

Путь домой

Алёна Берндт

18+

Алёна Берндт

Путь домой

«Автор»

2026

Берндт А.

Путь домой / А. Берндт — «Автор», 2026

Любава связала свою судьбу с человеком, которого любила, но он сделал её жизнь невыносимой: после неудачного замужества муж отнял у неё сына, а сама она оказалась в неволе — её увезли на отдалённую ферму и заставили тяжело трудиться. Дни в рабстве тянулись мучительно, и единственной мыслью, которая не давала Любаве сломаться, была мысль о сыне. Среди тягот плена случилось и светлое: Любава встретила мужчину, чьё тепло и поддержка постепенно возвращали ей силы и надежду. Когда созрело решение бежать, рядом оказался ещё один верный друг — доберман Рик. Пёс помог выбраться из плена: он чуял опасность, прокладывал путь и не давал Любаве сдаться. Преодолев долгий и опасный путь, Любава наконец вернулась домой — к маме и сыну. Любимый мужчина не оставил её и помог оставить страшное прошлое позади, так что Любава смогла шаг за шагом вернуть себе свою жизнь.

© Берндт А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 3.	11
Глава 4.	14
Глава 5.	17
Глава 6.	21
Глава 7.	24
Глава 8.	27
Глава 9.	31
Глава 10.	34
Глава 11.	37
Глава 12.	40
Глава 13.	43
Глава 14.	46
Глава 15.	49
Глава 16.	52
Глава 17.	56
Глава 18.	60
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Алёна Берндт

Путь домой

Глава 1.

- Я тебе говорил, что уеду, ты сама чем думала? – сердито смотрел Сергей на свою невесту Любу, - Или ты решила так же действовать, как твоя подружка Оксанка? На пузо парня привязала, и сидит, довольная! Я же говорил, что пока нам детей не надо, так что... денег дам, ты всё сделай, как надо! Я билет взял уже!

- Серёжа, да я же... ты же сам говорил, ничего не будет, - плакала Люба, сидя на скамейке, и то и дело оглядывалась, как бы кто их не увидел, - Ты сказал – мы всё равно скоро поженимся!

- Ну только вот не говори, что это я один виноват. Ладно, не реви. Не реви, говорю, услышит кто! - Сергей смягчил тон и сел рядом, обняв Любу за плечи, - Отложить отъезд я не могу, сама понимаешь, дело такое. Дам денег, ты эту проблему реши, а я вернусь через полгода, распишемся, и я тебя с собой заберу. Поняла?

- Серёжа, да как же я решу..., - Люба старалась подавить рыдания, прикрывая рот, - Я... не знаю, куда идти-то...

- Ладно, - Сергей нахмурился сильнее и сердито глянул на девушку, - Я сам всё узнаю, и тебе скажу, у меня знакомый в городе есть. Он всё устроит!

- Я не хочу... ты что? Городок у нас маленький, и если мама узнает... она меня убьёт!

- Ладно, поищу в области, у меня знакомый доктор есть, помогал я ему кое-что достать! А ты не проговорись никому, и вид нормальный сделай, а то зелёная вся, как будто у тебя умер кто!

Люба только и могла кивать в ответ, говорить ей мешал ком в горле. Она почему-то чувствовала себя виноватой, что всё им с Сергеем испортила, хотя... это Сергей тогда настаивал, а она... дура, поддалась!

Люба с Сергеем со школы вместе были, он был её на два года старше, и в школу перевёлся из пригорода, по какой-то своей причине. Жил у тётки, в частном секторе, на той же улице, что и Люба. Вот тогда и присмотрел он девчонку со светлыми косичками с голубыми лентами, в цвет её глаз. А она смутилась, когда этот новенький рядом пошёл, стал что-то спрашивать. Он уже в выпускном классе, а она только в восьмой перешла, вон какой рослый...

Сергей тогда взял из рук худенькой девчонки портфель, возражений не принимал, мол, донесу по-соседски, что тут такого. Сентябрь тогда кружился вокруг них золотым листопадом, и скоро Сергей уже каждое утро поджидал Любу возле её калитки, чтобы вместе в школу идти.

- Интересное у тебя имя, - говорил Сергей девушке, - Странно тебя родители назвали, я думал, ты Любовь, а оказывается ты Любава! Как сказочная царевна!

- Это отец меня так назвал, мама не хотела, - Люба смущённо краснела, но старалась этого не показать, - У отца так звали тётю, которая его вырастила.

- Я вот тоже пока у тётки живу, - вздохнул Сергей, - Мать настояла, чтобы я в городской школе выпускной класс закончил. Я сначала не хотел, а теперь даже рад, что сюда приехал.

Люба тоже была рада, только тогда молчала и смущалась от того, что в школе все уже болтали, что Любка Соколова с новеньким дружит.

Люба жила с матерью в небольшом городке Подмосковья, родители её развелись, когда Любе было три года, и теперь у отца была другая семья, и хоть жил он совсем недалеко, километрах в тридцати, но дочку от первого брака вниманием не жаловал. Любина мать, Ирина Петровна, его за это ненавидела, и постоянно говорила дочери:

- Если только узнаю, что ты с отцом и его родственниками якшаешься, выставлю из дому, у них и живи!

- Mam, ну что ты, ничего я с ними не якшаюсь, - Люба удивлялась таким словам, обычно мама её была доброй и ласковой, с дочкой они жили душа в душу, - Да и как с ними якшаться-то, когда они забыли давно про меня, кто я такая есть.

- Любанька, ты на меня не сердись, что я вот так..., - Ирина Петровна вроде бы уже и жалела о сказанном, - Я за себя на них не обижаюсь, на отца твоего и его родителей, всякое в жизни бывает. Ну, развелись мы с ним, не первые, не последние. Но вот за тебя мне обидно! Ты ведь ему дочка родная, и родителям его внучка! Хоть бы открыточку на новый год присылали, и то...

- Mam, да не нужны нам их открытки, ты что! – Люба обнимала маму, - Нам и без них хорошо!

- Хорошо-то, хорошо, только вот снова я слыхала, отец твой машину новую купил, а на тебя копейки присылает! Обидно мне за тебя... ты ведь скоро учиться будешь поступать, а вон, новые сапожки купить не на что!

- У меня и эти ещё не старые, я их берегу! – весело отвечала Люба.

Сама она ни на кого не обижалась, жила себе и жила. Училась неплохо, хотя и не была отличницей, собиралась поступать в медицинское училище после школы, и выучиться на фармацевта, чтобы работать в той же больнице, где работала её мама.

Ирина Петровна работала санитаркой, и глядя на дочь думала, что и сама она когда-то мечтала о том же – хотела быть фармацевтом, или даже доктором, но... не сложилось. Теперь вот думала, как они с Любой будут жить на её зарплату, когда та поступит учиться... Как ни претило ей такое решение, а перед выпускным Ирина Петровна собрала волю в кулак и решила поехать к Любиному отцу, поговорить.

Что там было, Люба никогда и не узнала, только по приезде Ирина Петровна закрылась в кухне, оттуда слышался её тихий плач и пахло лекарством.

- Ты, Любашка, только не повторяй моей ошибки, - сказала Любе мама, когда в который раз увидела дочку с кавалером, - Не спеши замуж, сперва отучись, профессия у тебя будет – нигде не пропадёшь. А замуж... замуж не напасть, как бы замужем не пропасть, так моя бабушка говаривала.

- Mam, да я замуж пока и не собираюсь, да и не зовут меня, смеялась Люба.

Эх, если бы она знала, как всё сложится.

Сергей ушёл в Армию, Люба верно ждала парня, то и дело бегала на почту, письма отправляла. Писали они с Сергеем друг другу часто, и никто уже и не сомневался, вот вернётся Сергей, и на Любе сразу женится!

- Любашка, вы такая красивая пара! – восхищённо говорила ей подруга Оксана, когда девушки рассматривали присланную Сергеем фотографию, где он был в военной форме, - Вас обоих хоть сейчас на обложку журнала!

Люба тогда только первый год в техникуме училась, Сергей вернулся из Армии и к невесте всё чаще заявлялся, что называется, «навеселе». Так праздновал свой дембель, за что постоянно извинялся перед недовольной Любиной мамой.

- Тётъ Ир, да я немного совсем, вы простите... Ребята пришли, угощали, давно не виделись, вот я и... Вы не волнуйтесь, мы только погуляем с Любой, кино вот в клубе будет, сходим.

- Смотри у меня, - сурово говорила Ирина Петровна парню. – Ещё раз такой явишься, на порог не пушу! И чтоб в десять дома была, Люба, поняла меня?!

- Mam, не волнуйся, приду в десять! – улыбалась Люба.

- Мама у тебя суровая, - усмехался Сергей, когда они с Любой шли к клубу, - Надо ей конфет подарить, я из Москвы привёз в коробках. И вообще... в субботу поедем к моим, буду

тебя с родителями знакомить! А то замучили меня, к кому да к кому в город едешь, вот и покажу – к кому!

- Ой, - испугалась Люба, - Серёж... а вдруг я им не понравлюсь?

- У меня родители мировые, и ты им понравишься! – Сергей убедительно глядел на невесту, - Да и какая разница? Я скоро уеду, хочу на Север податься, у меня там сослуживец... там хоть денег можно заработать нормально, дом построить... или квартиру кооперативную взять, машину.

- А... как же я?

- А что ты? Ты со мной! Только сперва я сам поеду, всё разузнаю, обустроюсь, а после и за тобой вернусь. Ты как раз учиться закончишь. Я маму твою всё же побаиваюсь, так что уж изволь – учись! Чтоб моя будущая тёща на меня не ругалась, что сдёрнул тебя с учёбы!

А Сергей тогда правду сказал – родители у него оказались очень хорошие, и Любу встретили, как родную. Семья Сергея жила в пригороде, в небольшом посёлке, отец работал в колхозе механиком, а мама оператором машинного доения. Из рассказов своего жениха Люба знала, что его родители пережили большое горе – старший брат Сергея, Борис, погиб, когда Сергею было десять лет, а Борису – девятнадцать. Борис служил тогда в Армии, и трагедия случилась, когда его часть была отправлена на тушение страшного лесного пожара.

- Я тогда сам не свой был, - рассказывал Сергей, - Да и потом... столько хлопот им доставил, родителям своим... с компанией плохой связался, учёбу забросил. Вот потому меня в город доучиваться и перевели, потому что в нашей школе... Ну, сама понимаешь. От друзей подальше, что называется. А там я тебя встретил, и как-то стыдно стало за себя... ты такая хорошая, а я что? Стал учёбу подтягивать, ведь не дурак. Так что, можно сказать, что ты меня тогда и исправила!

Когда Люба увидела маму Сергея, сразу поняла, что Нина Алексеевна ей рада. Да и отец Сергея, Иван Никифорович, тоже встретил девушку приветливо.

Большой дом и двор Любе тогда очень понравились, только она не могла понять, как хрупкая Нина Алексеевна со всем этим управляется!

В общем, знакомство прошло очень приятно, Любу усадили за стол. Потчевали домашними пирогами, рассказывали, какой у них Сергей хороший, вот в Армии права получил, хочет теперь водителем на Север...

- Да ладно тебе, у нас ведь всё решено уже, мы всё равно скоро женимся, - шептал в тот вечер Сергей.

Он приехал к Любе, встретил её после учёбы и позвал на день рождения друга. Друг оказался весёлым балагуром, компания у него собралась огромная, и пробыли они там совсем недолго. Ушли гулять по весенним улицам, и в тот вечер Любе можно было не приходить домой к десяти, потому что мама была на ночном дежурстве, и можно было немного задержаться или даже пригласить жениха на чай, а он так на этом настаивал...

Глава 2.

Как же Люба себя корила за то, что поддалась тогда на Серёжины уговоры... плакала, с ужасом представляя, как она скажет маме такую новость... Ну и что, что они собрались пожениться, так ведь ещё не поженились!

- Я дура набитая, - плакала Люба, поделившись секретом с лучшей подругой, - Голову потеряла совсем! Зачем только вообще позвала тогда его, знала ведь, что он не про чай говорит...

- Да ладно тебе, чего ты так убиваешься, - Оксана обнимала плачущую подругу, - Вы всё равно собираетесь жениться, я думаю, потому Сергей и сам... не был осторожен. Решил, что можно. Да и вообще, что за старомодные байки – до свадьбы ни-ни, и всё такое! А если люди друг другу вообще не подходят, как это говорят – несовместимость? Как потом жить? Да и что за трагедия случилась? Я уверена, он даже обрадуется, когда ты ему расскажешь. Коля мой

тоже сначала опешил от такой новости, а после – рад был, и родители его обрадовались! Ты сперва ему скажи, а уже потом маме, ей вообще вы вместе можете сказать. Я думаю, и она за вас будет рада.

- Мне ещё учиться, а какая теперь учёба, придётся брать академический, - Люба вроде бы и чуть успокоилась после слов подруги, только всхлипывала.

Поговорив с подругой, Люба решила последовать её совету и поговорить с Сергеем, всё ему рассказать о своём положении. Она надеялась, что Оксана будет права, но...

- У тебя мать в больнице работает, ведь может и там договориться, по-свойски, - Сергей сидел на скамейке рядом с Любой и потирал лоб, - Да... попали мы с тобой! Надо сейчас эту проблему решить, не ко времени это всё! Тебе учиться, я уезжаю скоро, ну какие дети сейчас могут быть! Вот обустроимся, ты отучишься, на работу устроишься, тогда... Мы молодые с тобой ещё, чтобы себя в пелёнках закопать!

- Я... маме не смогу сказать! Она меня... убьёт! – Люба едва держалась, чтобы снова не разрыдаться.

- Ладно, не реви. Я сказал – все решу, значит решу.

Сквер шелестел молодой листвой, май перевалил за середину, и у Любы заканчивался учебный год. Не так она себе представляла начало долгожданных каникул.

Всё изменилось для Любы как-то сразу, когда она осознала всю эту ситуацию. Сергей не хотел жениться «вот прямо сейчас», и тем более не желал, чтобы «невеста на свадьбе была уже с животом», он так Любе и сказал тогда.

Это у Оксаны с Колей всё было по-другому... Николай, жених Оксаны, из родного городка никуда уезжать не собирался, работал в автоколонне и учился в автодорожном заочно, так что в его планы входила семья и будущий ребёнок. Поэтому скромную свадьбу они назначили на конец июня, родня с обеих сторон принялась радостно готовиться к этому событию, и Оксана не понимала, почему Люба сама не своя...

А Люба была рада тому, что мама сейчас немного чаще на дежурствах бывает, потому что в больнице уже начались отпуска. Так ей было проще скрыть и своё отчаяние, и страх.

- Я договорился, - сообщил Любе довольный Сергей, встретив её возле училища через пару недель, - Товарищ у меня есть, помог. Как ты и хотела, в областной центр поедешь, там тебя будут ждать, вот, на бумажке всё написано, куда идти и кого спросить. Денег это конечно будет стоить, но я тебе дам, ты за это не переживай! Да не куксись ты, сама же понимаешь, так будет лучше для нас. Да? Ну, посмотри на меня! Чего глаза на мокром месте!

- Серёж... может быть, подумаем... Ведь вон, Оксана с Колей... А мы чем хуже? Ведь это же наш ребёнок, первенец...

- Нашла кого в пример ставить! – нахмурился Сергей и сердито посмотрел на Любу, - Оксанка только и ждала момента, как бы Кольку окрутить поскорее! Он только из Армии пришёл, даже погулять не дала, сразу в койку к нему залезла, и вот результат! Люб, да брось ты, какой первенец! Там ещё так... кусок мяса размером с... не знаю, с песчинку! А ты уж... Будут у нас ещё дети, хоть десять, но только... попозже! Зачем это сейчас? Мы ещё на ноги не встали, вот устроимся... да я уже говорил это тебе. Всё уже решили, чего менять! Я с людьми договорился, так что... А хотя, я с тобой поеду! Так будет надёжнее, матери твоей скажем, что в область поедем прогуляться, музеи там всякие посмотреть, ты же год заканчиваешь как раз. Ну вот, вроде как себе прогулку и устроим. Мне сказали... что сразу отпустят тебя. Потому что... срок маленький. Так что не переживай, всё будет хорошо. Короче, с матерью своей поговори, расскажи, что я тебя в область пригласил, и в следующий четверг будь готова. Я утром за тобой зайду и поедем на электричке.

Сергей сейчас работал на заводе в городке, где жила Люба, сам он жил в общежитии завода, и Люба иногда мечтала, чтобы Серёжа никуда не уезжал... А вот так и работал на заводе, зачем этот Север?

- Мы бы получили комнату семейную, стали бы жить, - говорила она жениху, когда они гуляли по парку, - Новый район строят, говорят, почти все дома будут распределять на заводскую очередь. Может быть, и нам квартиру бы дали, пусть даже однокомнатную.

- И что, ты хочешь всю жизнь вот так прожить? Утром на работу, вечером с работы, гадать, дадут квартиру, не дадут! – насмешливо отвечал Сергей, - Я не хочу так бездарно тратить свою жизнь! Квартиру ждать лет десять, и все десять лет есть макароны на общей кухне?! Нет уж! У меня другой план! Заработать года за три, купить кооперативную квартиру, потом ещё пару лет – и дача с машиной! А после можно уже и детей, и работать на завод.

Ну а теперь... Люба почему-то чувствовала себя виноватой, что у них с Сергеем срываются планы. И никак не могла избавиться от этого чувства вины, хотя головой она прекрасно понимала – почему это она одна-то виновата? Это не она настаивала в тот вечер... Хотя, что теперь искать виноватого, что случилось, то случилось.

- Люб, что с тобой? – спрашивала мама, приглядываясь к задумчивой дочери, - С Сергеем что ли поругались?

- Да нет, мам, нормально всё. Просто... устала, учить много пришлось.

Ирина Петровна полагала, что причина такой грусти дочки вовсе не учёба, а скорый отъезд Сергея, но сама она считала – пусть едет. Лишь бы не сбил девчонку с пути, пусть доучится, а там уже и замуж можно. Сама она совершила когда-то такую ошибку, и теперь не желала такой участи своей дочке.

Люба тайком радовалась, что мама не разгадала её состояния, ведь душа у неё самой застыла от страха перед предстоящим.

- Люб, я думаю, это неправильно, - узнав секрет подруги, говорила Оксана, - Серёжке легко говорить, не он на это пойдёт... а что, если... ну, будут последствия для здоровья? Что тогда? Он сам чем думал, если не хотел детей! Взрослый человек! И почему теперь ты себя винишь? Сам виноват, так ему и скажи! Знаешь... дурак он, вот что! Поговори с ним ещё раз, и скажи, что боишься последствий! Пусть решает...

- Да я и сама понимаю, что это всё нам не ко времени, - вздыхала Люба, - Мне доучиться надо, а так...

- Решать вам, конечно, но... я бы не смогла так...

- Ладно, хватит про это. Уже всё решили. Сергей сказал, со мной поедет, всё же я не одна, а то, как будто... нагуляла!

Но всё получилось не так, как Люба планировала. Сергей пришёл накануне вечером, они отправились гулять в небольшой сквер поблизости.

- Завтра тебе одной придётся ехать, - объявил невесте Сергей, - Меня на смену ставят, Капитонцев заболел, а за него некому. Я говорил, что у меня свои дела, но... сама понимаешь, нас, молодых, не особо спрашивают. Этакая «дедовщина» на гражданский манер!

- Серёж, я одна не поеду! – испуганно выпалила Люба, - Подумают, что я какая-то... гулящая!

- Никто ничего не подумает, не говори глупостей! – поморщился Сергей, - Я сказал, что ты моя невеста, и всё объяснил! Всё, хватит нюни распускать, мы решили, значит – решили! Я договорился обо всём, заплатил деньги, твоя забота – только съездить!

Люба в отчаянии сжала ладони и без сил села на очень кстати подвернувшуюся скамейку.

- Люб, ну что ты, - Сергей устало потёр лицо и сел рядом, - Думаешь, мы одни что ли такие? Да полно сейчас людей, которые... Решения принимают по-взрослому! Всё, давай уже сделаем, что нужно, и забудем об этой неприятности!

Люба хотела сказать, что для других это радость, а Сергей назвал это «неприятностью»... Но промолчала, что ж, это и её решение – она очень хотела порадовать маму дипломом и доучиться! Ничего, Сергей прав! Всё у них ещё будет!

На следующее утро она торопливо шла на электричку, собрав необходимое в сумку и думая о том, что мама ещё не вернулась с ночной смены, так удачно сложилось. А вечером она вернётся домой, и... они с Сергеем забудут про всё это.

Глава 3.

- Девушка, хватит трястись, - доктор недовольно поморщился, и глянул поверх очков на бледную Любу, - Вы сами ко мне явились, ваш... жених убеждал меня, что вы приняли решение вместе, и оно осознанное и окончательное. Или... может быть, он меня обманул? И вы не желаете...

- Нет, он правду сказал, - сдавленно пробормотала Люба, - Просто...

- Просто вам страшно, я понимаю, - проговорил доктор, и Любе почему-то показалось, что он на неё смотрит... как-то с пренебрежением что ли, или с осуждением.

Наверное, Любе это только казалось, но она никак не могла отделаться от ощущения, что все здесь осуждают её. Считают, что она... неприличная девушка, Люба даже сама сейчас стыдилась эпитетов, которые приходили на ум. Хотя медсестра, которая сидела за столом напротив доктора, просто писала что-то в карточках и на Любу никакого внимания не обращала, сам доктор тоже безразлично рассматривал бумажки, которые ему принесла Люба.

- Верочка, дайте ей валерьянки что ли, - устало вздохнул доктор и снова посмотрел на бледную Любу, - А хотя, знаете, что... не нужно никакой валерьянки! Так, как вас там... А, Любовь... нет, ты глянь, Верочка, девушку нашу Любовой зовут, надо же! Ладно, Любавушка, вы вот что сейчас сделайте. Пойдите немного прогуляйтесь, посидите в нашем скверике на лавочке, успокойтесь и всё ещё раз обдумайте. Можете даже по городу немного прогуляться! А после приходите и мы снова поговорим, я вам всё расскажу, как и что. Ничего не бойтесь, мы здесь такие же люди, как и все, и никто вам зла не желает. Только прошу – ничего не ешьте пока, потому что... я не знаю, каким будет ваше окончательное решение. Воду пить можно. Сумку свою можете вон у Верочки оставить. Ну, договорились?

- Хорошо, - кивнула перепуганная Люба, - Спасибо вам.

Она вышла на больничное крыльцо и вдохнула весенние ароматы цветущей в сквере сирени. Надо собраться, потому что... это даже не из-за Сергея, не потому что он хочет ехать работать на Север, это нужно ей самой – она должна доучиться, а уже потом... всё остальное. Сама сглупила, ведь всё понимала и знала, будущий фармацевт! Не хватило тогда силы воли отказать, так вот теперь...

Люба решила прогуляться немного, тот доктор в модных очках дал мудрый совет видеть не одна она такая к нему приходит! Люба понимала – Сергей заплатил доктору деньги, и тоже не он один так делает, потому и... отнёсся к ней доктор с терпением. И ей нужно собраться, решиться, и всё уладить в своей жизни!

Она шла по городской улице, то прибавляя шаг, то почти останавливаясь, о чём-то негромко говорила сама с собой, привлекая внимание прохожих. Двое парней, по всей видимости привлечённые Любиным рассеянным взглядом, который она случайно на них кинула, попытались с ней познакомиться, но она даже не ответила им, просто прошла мимо.

- Люба? Любаша, надо же, какая неожиданная встреча! – кто-то тронул Любу за руку, и она с ужасом увидела, что перед нею стоит Нина Алексеевна, Серёжина мама.

- З... здравствуйте, Нина Алексеевна, - совершенно побелев лицом и чувствуя, как к горлу подступает тошнота от выпитой в больничном вестибюле воды, сказала Люба.

- Что с тобой? – Нина Алексеевна с беспокойством смотрела на девушку, - Ты... белая вся.

- Ничего... укачало немного в автобусе, когда ехала, - Люба постаралась взять себя в руки, - А вы по делам в городе?

- Да, от колхоза направили, мы регулярно осмотр проходим. Работа такая у нас, - улыбнулась Нина Алексеевна, пристально глядя в Любино лицо, - Вот я и приехала по направлению к специалисту, у нас в посёлке всех не пройдёшь.

- И... извините, мне нехорошо, - Люба уже не могла сдерживать тошноту и поспешно убежала за кусты, которые на её счастье оказались поблизости.

Когда она вернулась, Нина Алексеевна ждала её, сидя на скамейке. Люба поняла, Нина Алексеевна обо всём догадалась... И что теперь делать? Врать она не сможет, у неё вообще больше нет сил...

- Ты, моя милая, в положении, - мягко сказала Нина Алексеевна, когда Любы села рядом с ней, - Не надо стыдиться, ничего в этом стыдного нет! Это женская природа – деток рожать! А Серёжка знает, ты ему сказала?

- Да, знает, – кивнула Люба.

- А сюда ты на осмотр приехала, так? Наверное, вы нам с отцом позже хотели такую новость сообщить, да? А я тут вот так некстати... Ну ничего, давай, я сделаю вид, что ничего не знаю, и когда вы с Серёжкой к нам приедете, сделаем вид, что я тоже ничего и не знала! А отец как обрадуется! Ты бледненькая, может быть, хочешь чего? Можно сок купить, вон кафетерий, пойдём?

Нина Алексеевна вся светилась и излучала такую доброту, а Люба... она в этот момент хотела провалиться сквозь землю, и желательно поглубже! И только смогла отрицательно помотать головой на приглашение в кафетерий.

- Так что доктора говорят? Ты уже была на приёме?

- Да, была. Только надо... ещё раз к доктору зайти, - Люба старалась, чтобы голос её не дрожал, - Нина Алексеевна... не говорите ничего Сергею, что мы с вами виделись здесь. И я... понимаете... мы решили...

- Любонька, доченька, - Нина Алексеевна обняла девушку, - Скажи всё, как есть, ничего не бойся. Никто тебя не осудит ни за что.

- Мы с Сергеем решили, что пока нам не нужно... мне учиться, а ему поехать на работу... и это не ко времени, случайно вышло...

Люба вся сжалась, думала, что вот сейчас Нина Алексеевна скажет, какая она... и всё такое. Но та не отняла рук, только крепче Любу обняла.

- Не дело вы надумали, дети, - сказала та, - Ну, ничего, ты не переживай. Давай-ка вот что... срок у тебя, наверное, небольшой совсем, раз вы так... решили? Ну вот... зачем спешить? Ты сама не своя, ни к чему такие решения принимать вот так. А я вот думаю – неслучайно нас сегодня тут судьба-то свела. Поезжай домой, а на будущие выходные вы с Сергеем к нам, как и обещали, да? У отца день рождения, он вас ждёт, вот тогда мы с тобой снова и поговорим про это, хорошо? Пока ничего не решай, и уж тем более здоровье своё гробить не спеши. Я ведь тоже женщина, понимаю тебя, но... ты не торопись, доченька. Идём, я тебя на электричку провожу, мне-то ещё долго своего рейса ждать. И про эту нашу встречу мы с тобой никому не расскажем!

- Мне... надо сумку свою забрать, - Люба совершенно растерялась и не знала, что ей теперь делать, внутри всё от страха просто застыло... что теперь Сергей скажет... и мама...

Так и уехала тогда Люба домой, Нина Алексеевна проводила её, как и обещала, они говорили о разном, но того, из-за чего Люба оказалась в городе, не обсуждали. И сидя в вагоне, Люба смотрела на плывущие мимо поля и думала... что будет дальше, ей теперь совершенно непонятно. Сергей, конечно, рассердится, и, наверное, это приведёт их к разрыву. Но... пусть так! Почему-то сейчас Люба чувствовала себя усталой от этих переживаний. Сам всё обдумает и решит! И доктора найдёт, если нужно будет!

Но всё сложилось совсем не так, как думала тогда усталая Люба. Через несколько дней, в выходной, когда они с мамой готовили вместе обед, в дверь к ним постучали.

- У вас товар, у нас купец! – услышала Люба, когда Ирина Петровна открыла дверь.

Нина Алексеевна в нарядном платье, Иван Никифорович в пиджаке, а за ними Сергей в белой рубашке и с букетом цветов в руках. Он улыбался, и подмигнул оторопевшей Любе, приглаживающей волосы...

Сватовство прошло весело, Ирина Петровна хоть и не ждала таких гостей, но тут же собралась, покраснела и захлопотала, собирая на стол скромное угощение.

Потом, чуть позже, когда родители остались за столом обсуждая скромное свадебное торжество и гостей с двух сторон, Люба с Сергеем ушли в Любину комнату.

- Мать мне такое устроила..., - сказал Сергей, сидя рядом с Любой на кровати, - Люб... ты прости... я сам не знаю, чем думал, когда такое говорил! Неправильно это было, я мужчина, должен ответственность нести. Да и правильно всё, мы же всё равно с тобой хотели жениться. Ну вот, чуть пораньше значит женимся, да? Может пока останусь на заводе работать, а как маленький подрастёт, тогда и поедем вместе. Или, если тебе здоровье позволит, сейчас вместе и отправимся. Что думаешь? Пойдёшь за меня замуж-то? А то я про другое заговорил, а главного не спросил!

- Пойду, - Люба почувствовала, как покраснели её щёки, - Серёж... может это всё и к лучшему? Раз так вышло...

- Давай в понедельник заявление подадим, да? – Сергей обнял Любу, - И чего там родители решили, пойдём послушаем! Небось всю деревню соберут, гармониста с соседнего Советского батя позовёт, это точно! У нас на него мода, все его зовут.

Июньским тёплым днём гуляла весёлая свадьба, которую устроили в широком дворе Конаковых. Гости было много, и Люба почти никого не запомнила, все были со стороны жениха. А им с мамой и позвать-то было некого, только Любину подругу Оксану с женихом Колей.

- Какая ты у меня красавица, - говорила Ирина Петровна, приглаживая на Любе красивое платье, - А вот отец твой – дурак! Такой красоты не видел, радость такая, дочка замуж выходит!

- Мам, да разве он нам нужен! Сто лет без него жили, к чему он теперь! А тебе это синее платье так идёт! Ты самая красивая у меня! И гармонист тутошний с тебя глаз не сводит, для тебя только и играет!

- Да скажешь тоже! – Ирина Петровна покраснела и поправила причёску, - Это вон тот гармонист что ли? Да он просто на один глаз косит, а ты уж придумала...

Звенела свадьба, хороша была пара, невеста – красавица, под стать рослому темноволосому жениху. Совет да любовь! Кричали гости, и казалось, что впереди у такой пары может быть только счастье, а как же иначе?

Глава 4.

- Как ты себя чувствуешь? – Сергей хоть и старался скрыть недовольство, но Люба видела это в глазах мужа, - Снова тошнило?

- Нет, нормально всё, - она улыбнулась бледными губами, и постаралась сдержать подступающую к горлу тошноту, - Просто тут душно, я подышать ходила.

Сергей снова стал читать книжку, нахмутив брови и не глядя на жену. Ему было неловко перед соседями по купе. Они ехали в Красноярск, уже пережили две пересадки, и до конца поездки оставалось совсем немного. Там от города ещё несколько часов нужно будет ехать до небольшого посёлка, но это уже ничего, считается близко.

После, когда попутчики молодой пары вышли из купе, Сергей отложил книгу и покачал головой:

- Люб, ну я же говорил, оставайся дома. Потом бы приехала, после родов, и когда ребёнок бы подрос! Чего мучаешься! Это всё мать твоя, с этим – «что это за семья, раз поженились, так вместе нужно быть, что за жизнь порознь!»! Чего ты её слушала!

- Срок ещё небольшой, да и что такого – мы едем на поезде, купе вот взяли. Немного душно, потому мне и бывает иногда чуть муторно. Зачем мне было оставаться? Приеду, устройсь пока на работу, вместе же легче...

- Кому легче? Ты вон вся белая сидишь, а приедем, пока устроимся... Я не представляю, как будем...

- Как все, так и мы, - Люба сама не смогла скрыть раздражения, - Почему ты мне не сказал этого дома, другое говорил.

- Попробуй скажи, когда всем дело до того было, как нам жить, - проворчал Сергей, - Как будто мы маленькие дети! Сами знаем, что нам делать! Не нужно было никого слушать, надо было делать, как я говорил! Тебе надо было остаться у моих родителей, родить, и ждать меня!

- Сейчас об этом нечего уже и говорить, мы едем. А дома ты молчал. Послушай, ты... не хочешь, чтобы я с тобой ехала что ли?

- Да чего ты придумала! Просто... стыдно перед людьми, ты постоянно в туалет бегаешь, а я себя чувствую виноватым, что тебя потащил в такую даль!

- Никто на это внимания не обращает, кроме тебя, - пожала плечами Люба, - У всех свои дела и заботы, ты один переживаешь на пустом месте. Успокойся, всё будет хорошо! Пойду, пройдусь.

- Вот опять! Я же говорил! – вздохнул Сергей и поморщился, - Не слушаешь меня.

Люба вздохнула, но ничего не стала говорить. К чему эти споры, когда уже большая половина пути осталась позади, да и чувствовала она себя не так уж и плохо. Лето, в вагоне душно, но проводница открыла форточки в длинном коридоре, стало прохладнее, и Любе нравился запах горячих шпал, врывающийся в вагон.

- Переживает за тебя, вот и ворчит, - сказала ей женщина из соседнего купе, проходя мимо в сторону титана, - Ты на мужа не сердись, это хорошо, что переживает.

Люба улыбнулась, наверное, это так и есть, и хорошо, что Сергею не всё равно. Накануне отъезда он тоже очень волновался, несколько раз заказывал переговоры со своим другом, к которому они сейчас и ехали. Друга звали Тимуром, они с Сергеем вместе служили и теперь Тимур жил и работал в небольшом посёлке недалеко от Красноярска.

- Ну, это по тем, северным меркам недалеко, - рассказывал Любе Сергей, - Там у них семьдесят километров - это считается недалеко, плотность населения другая, не как у нас. Тимур работает на предприятии, обо мне уже договорился, там водители нужны на большегрузы. Что-то и тебе найдём, полегче, до родов-то. А потом, когда ребёнок подрастёт, может снова учиться пойдёшь, как мама твоя мечтает.

Собирали их в дорогу и родители Сергея, и Любина мама, так сказать, всем семейством, денег им на первое обзаведение тоже выделили, но с собой решили не везти, лучше по приезду на место получат переводом.

- Что нужно будет – дай телеграмму, отправлю посылкой или багажом, скрывая тревогу, говорила Любе мама, - И вообще, переговоры закажи, как доедете, и как обустроитесь.

- Mam, ты не волнуйся, конечно, я сообщу. Тимур сказал Сергею, что нам комнату выделят сразу же, а на первое время у него остановимся. Всё хорошо будет.

- Ох, Любашка... хоть самой с вами ехать, не на месте душа...

Ирина Петровна не говорила дочке, такое в дорогу не говорят... но уж очень ей хотелось, чтобы передумали молодые, дома остались, рядом... Вон, завод работает, общежитие новое. Просторные комнаты, и квартиры дают... Молчала и про то, что вот может отведают этого севера, да и вернуться. Внуков-то понячтить хочется, а как, когда они так далеко будут!

- Мамуль, а ты в отпуск к нам и приезжай, - Люба обнимала маму, - Как раз мы уже устроимся там, всё хорошо будет.

- Любаш... ты вот что, - Ирина Петровна прижала дочь к себе, - Если что вдруг... обещай мне, что сразу сообщишь! Хорошо?

- Mam, ну что может быть «вдруг»? – удивлялась Люба, но маму расстраивать не хотела, - Я тебе буду каждую неделю звонить, не волнуйся только!

Проводили молодых, тут уж ни Ирина Петровна, ни Нина Алексеевна слёз сдерживать не могли, вытирали платочками щёки и махали вслед отъезжающему от перрона поезду. Люба с Сергеем махали им в ответ, а когда уселись в своём купе, посмотрели друг на друга и улыбнулись. Для них это было увлекательное путешествие и ожидание чего-то нового, неизведанного!

- Люб, ты поела бы, - Сергей вышел за женой в коридор вагона, - Там нам положили всякой снеди, на роту солдат хватит! Хочешь, чаю принесу?

Дорога летела мимо окон, они пили чай с лимоном, который им положила в стаканы улыбчивая и внимательная проводница, приметив Любино положение. После такого напитка ей стало совсем хорошо, тошнота ушла, и Люба подумала – нужно взять на заметку, лимон, отличная штука.

На место они прибыли вечером, летний вечер был тёплым, Люба даже немного удивилась, ведь север... хотя и здесь бывает лето! Тимур встречал их на перроне, чернявый невысокий парень радушно обнял гостей, отобрал у Сергея один чемодан и повёл их к машине.

- Я договорился с соседом, вас встретить, чтобы на автобусе не трястись, - Тимур говорил без умолку, - Ну, как добрались?

Тимур устроил гостей в большой комнате, сам он обитал в двухкомнатной квартире в деревянном доме на два крыльца, но уже чрез две недели они переселились в свою, такую же, только в конце улицы небольшого посёлка.

На работу Сергея приняли сразу же, Тимур и в самом деле обо всём договорился, а вот с Любой вышла некоторая заминка.

- Ну, вам в таком положении лёгкий труд нужен, - пожилая женщина в отделе кадров хмурила седые брови, - У меня пока нет таких мест, вон, свои женщины ждут, очередь целая стоит. Да и образование у вас... школа одна, что я могу вам предложить? Приходите через месяц, может что-то подвернётся...

Люба расстроилась, через месяц... с каждым месяцем ей всё сложнее будет на работу устроиться, это она понимала.

- Любашка, ты чего нос повесила! – тархтел весёлый Тимур, подмигивая своими раскосыми глазами, - Найдём тебе работу, хотя я думаю – сиди лучше дома, щи мужу вари! Когда может и я забегу, мне-то не пожалеешь миски супчика горячего? А то вон Серёга хитрый какой – хозяйку себе нашёл, а я пока холостой! Мне бы вот башкирочку, чтоб мама довольна была, да где их тут найти!

И он начинал заразительно хохотать, придерживая стул, он помогал Сергею повесить штору на окно. Люба невольно улыбалась, балагур он, Тимур этот, весёлый.

- Тимурка прав, нечего тебе тут шастать, какая работа, живот уже видно, - говорил ей Сергей, - Зарплата у меня хорошая, нам на всё хватит, сиди дома.

- В школу местную уборщица нужна, но это тяжело, полы-то мыть в коридорах. Верно тебе муж говорит, - поддерживал друга Тимур, - Да и не так много у нас тут в посёлке мест, чтоб работа-то была, это может в городе. Роди вон, будет чем заняться!

Алёшка родился раньше времени. Маленький комочек пищал на руках у Любы, ей было неимоверно страшно его держать, такого махонького и хрупкого! Но доктора уверяли молодую маму, что всё будет хорошо, и не таких малышей выхаживали!

- Не тужи, милая! Были бы косточки, а мяско нарастёт! – успокаивала Любу пожилая Серафима Ильинична, санитарка в отделении.

Так и вышло, всё наладилось. Алёшка набирал вес, никаких патологий доктора не обнаружили, вот только домой Любу с сыночком выписали только через месяц. Сергей встретил жену у роддома немного помятым и с характерным запахом перегара, видать отмечал рождение сына. Нахмурилась Люба, но ничего не стала говорить, вон, у её соседки по палате муж и на выписку не смог прийти, родители забирали...

А дома Люба с удивлением обнаружила, что кровать, которую где-то добыл для них Тимур, стоит не собранная, комнаты неубранные, а в кухне полно грязной посуды. Куча нестиранной одежды лежала в углу, видать Любу ждала... Сергей что-то пробурчал про «много работы было», «некогда» и «сейчас всё быстро сделаю, не переживай».

Люба уложила сына на кровать, сама села рядом. Грустно было, тяжело на душе, и обидно, конечно. Но тут в дверь ворвался вихрь тихой жизнерадостности – это пришёл Тимур, тут же закипело всё в доме. Кровать была собрана за полчаса, и не только собрана, но и застелена только что выглаженными пелёнками, квартира убрана, Сергей даже полы помыл, когда Тимур ему сказал с укором:

- Сам-то не догадался прибраться? А я тебе говорил... нечего было связываться с... – тут Тимур замолчал, сердито глянув на стоявшие в углу кухни пустые бутылки, - Вот если бы у меня сын родился, я бы... эх, ты!

- Да ладно тебе ворчать, как бабка старая! – сердился Сергей, - Сейчас всё сделаю!

- Родителям надо дать телеграмму, что нас выписали и всё хорошо, - сказала Люба, вытирая перемытую Тимуром посуду и составляя её на полку, - Тимур, спасибо тебе за помощь. Твоей жене повезёт, ты большой молодец!

Сергей зло глянул на жену, но промолчал. Чуть позже, когда Люба сварила наскоро супчик, все сели за стол и тут Тимур объявил:

- А я уеду скоро. Без меня тут останетесь.

- Это куда ты намылился? – лицо Сергея вытянулось.

- Домой. Отец сказал – хватит шататься. Дома дел полно. Невесту мне сосватают, сказал – уже сговорились. На дом я подкопил, чуть ещё родители помогут, вот и отстроюсь. На свадьбу ко мне приедете? Я приглашаю!

- Приедешь к вам туда, как же, такая даль, - вздохнул Сергей, - У нас теперь младенец, мы... привязаны к дому, не поездишь. Ладно, там поглядим. Новости невесёлые...

Глава 5.

Алёшка рос хорошо, и вообще беспокойства молодым родителям не доставлял, спал, кушал, немного агукал и снова засыпал. Люба успевала всё сделать по дому и встретить мужа после работы горячим ужином.

А вот Сергей всё чаще приходил домой не в духе, да и вообще... беспокойно было всё. В стране происходили какие-то непонятные Любе перемены, слухи всякие ходили, вникать ей особо и некогда было, она только с испугом смотрела на мужа, когда тот сердито ругался со стареньким телевизором, стоявшим в углу. Телевизор им Тимур оставил, когда домой уезжал, сказал – ему тоже предшественник оставил, вот пусть послужит и дальше.

- Ты погляди, чего творится! – ругался Сергей, - А я думаю, чего у нас на работе болтают! Оказывается, вон что! Ну... посмотрим, что дальше, как они будут!

Когда Алёшке исполнился годик, стало понятно – все эти перемены ни к чему хорошему не привели. Предприятие, где работал Сергей, «трясло», сотрудники сердились на очередное уменьшение премии, руководство объясняло – денег нет, привезём товар по бартеру... И дальше становилось только хуже.

- Серёж... может домой поедом тоже, - робко сказала Люба мужу, поставив перед ним на стол тарелку с пустыми шами, - Там родители, всем вместе всё же легче. За Алёшкой приглядят, я тоже на работу пойду, а тут... мне работы нет, да и малыша куда девать. В ясли не берут, там сейчас мест нет, сказали – может летом появится что-то...

- Да какая работа тебе, кем? – усмехнулся Сергей, - Образования нет, профессии никакой! Полы мыть пойдёшь в больницу, как твоя мать? Да и мне... думаешь, если здесь так всё стало, то там, дома, лучше? Я недавно с отцом говорил по телефону, тоже всё плохо, колхоз загибается. И всё так... А здесь всё же перспективы, мне вот предложили в частную фирму перейти, директора возить. Думаю попробовать. Надо немного потерпеть, скоро всё наладится!

Однако ничего не налаживалось, скорее наоборот. Люба уже не могла так часто звонить домой маме, коммутатор в посёлке теперь работал только два дня в неделю, да и лишних денег не водилось. То, что получилось отложить до всего этого, Сергей по совету какого-то своего начальника перевёл в валюту и теперь хранил где-то в сейфе. Дома хранить наличность стало опасно...

- У меня на рынке снова сумку порезали, - грустно говорила Люба, вернувшись из города, куда ездила за кашами для Алёшки, - Кошелек там не было, я его за пазуху... а сумку жалко.

- Заклей, ещё походит сумка-то, - говорил Сергей, - Надо было лучше за вещами смотреть! Всё, я поехал, в этот раз поздно вернусь, Константиныч куда-то на переговоры едет. Может завтра утром только вернусь.

- Завтра? Где же ночевать будешь?

- В машине буду его ждать, кто знает, когда они там закончат!

Люба промолчала, хотя... ей не нравилась эта новая работа мужа. Да, деньги там платили, но тоже немного, на жизнь едва хватало, потому что с ценами происходило что-то невообразимое. Отправляясь в магазин, Люба зачастую не знала, на что ей хватит имеющейся в кошельке суммы.

- Люб, ты в магазине была? – спрашивала Любу её соседка Тамара, она жила во второй половине дома, в такой же квартире, - Сахар почём?

- Нет сахара, не привезли, - Люба вздохнула, - Продавец сказала, может к концу недели будет.

- Сашка со школы придёт, даже чаем не с чем напоить, - Тамарин голос дрогнул, - Денег осталось на пару буханок хлеба, а когда зарплата будет – никто не знает.

- Пойдём ко мне, я тебе чашку сахара дам для Саши, - сказала Люба, - У меня есть почти два кило, я купила недавно.

- Я тебе отдам, как только деньги дадут! Спасибо, Любаш! – обрадовалась Тамара и пошла за тарой.

Тамарин сын Санька часто Любе помогал, присматривал за Алёшкой, он учился в седьмом классе, но был серьёзным не по годам. Может потому, что рано повзрослеть пришлось, отец бросил их с матерью, Тамара работала по сменам, так что мальчик и дома прибирался, и готовил сам.

Тамара пришла к Любе с маленькой чашкой, и пока Люба доставала банку с сахарным песком, присела на стул в кухне.

- Я слышала, на следующей неделе какую-то часть долга по зарплате должны дать, - вздохнула она, - Я куплю сахар и тебе отдам.

- Не переживай, нам хватит пока. А Саньке нужно, он учится.

- Я думаю, мы уезжать будем, - сказала Тамара, - У меня мама в деревне под Воронежем, там хоть с огорода овощи, куры свои, корова. Саньку жалко, он растёт, а есть нечего... Я вот теперь и думаю, хоть бы на билеты хватило, чего там выдадут, сколько денег. Пусть бы на плацкарт, и то хорошо.

- Сейчас многие уезжают, - вздохнула Люба, - Жалко... Я тоже говорила Серёже, но он не хочет. Вроде бы в этой фирме у Владимира Константиновича пока дела хорошо идут.

- Ещё бы не хорошо, - Тамара сердито сверкнула глазами, - Спекулянт он, Вовка всегда прощельгой был, где чего продать, или утянуть - это он знал. А вот работать не любил! Я не знаю наверняка, но говорят... он сидел за то, что кассу украл в магазине, где работал товароведом!

- Украл? Не может быть... а такой представительный! Я с ним не общалась, конечно, но он важный такой, когда в машину свою садится...

- Да уж, садится! Водителя вот личного взял, как буржуин какой! Тьфу, сморчок! – поморщилась Тамара, - И ты знаешь, Любаш... они к девицам в город мотаются, вот что я слышала. Ну... к таким, которые... за деньги! И муж твой с этим Вовкой, водителем у него, мало ли... Может он и не ходит, конечно, но...

- Нет, что ты, Серёжа не такой у меня, - улыбнулась Люба, - Он сам таких терпеть не может, как Володя этот... но работа есть работа, платят хотя бы. На что нам жить, когда у меня работы нет, Алёшку некуда девать, да и вообще...

- Это конечно, - вздохнула Тамара, - Тут ты верно говоришь, сейчас с работой вообще плохо всё, а жить надо. Хотя бы платит, сморчок-Вовка! Ишь, богатеем заделался как-то... наворовал поди, а иначе как? Да ладно, не моё это дело, со своими бы проблемами справиться! Спасибо за сахар, Любаш, пойду Саньку встречать, чайник поставлю.

Времена такие пришли, которым Люба не переставала удивляться, и не представляла, что будет дальше. Люди уезжали из посёлка, кто в город, кто куда-то ещё, где была родня или какие-то перспективы. Ирина Петровна тоже звала дочку домой, предлагала прислать денег, сколько скопила, ну хоть на билеты.

- Любаш, ну что вам там, ты хоть погостить приезжай с Алёшей. Пусть Сергей останется пока, если у него работа.

- Мамуль, может попозже, летом. Зимой по поездкам мотаться холодно, вот у нас соседка через дом недавно ездила к родителям, так говорит – в вагонах едва топили, вся промёрзла.

- Это верно, мальчишечку застудишь. Ну, ждём лета, - вздыхала Ирина Петровна, - Далеко вы забрались, долго выбирать...

Только к лету стало совсем непонятно, что будет дальше... предприятие в посёлке остановило работу – людей отправили по домам, заставив написать заявления на отпуск без оплаты.

Сергей радовался, что вовремя успел устроиться в фирму к Владимиру Константиновичу, и надеялся на повышение зарплаты в скором времени.

- Прибавят зарплату, переберёмся в город. Эта глушь скоро загнётся, - говорил Сергей жене, - А вот Тимурка – жук! Как вовремя отсюда смылся, до этого всего! Не иначе как знал, что такое будет тут! Мог бы и нас предупредить! Ладно, я спать, мне через три часа ехать!

- Куда же? Ты только приехал, разве можно так, не отдохнув!

- К директору гости приезжают, надо встретить, - зевнул Сергей, - Ты спать ложись, меня не жди, поздно буду.

Однако работы у Сергея становилось всё больше, Владимир Константинович его то туда, то сюда гонял, дома Сергей порой не появлялся несколько суток. Любе хоть и было тяжело справляться, но мужу она недовольства не высказывала, он-то что сделает, если работа такая.

А между тем, соседка с сыном собрали вещи и уехали, и теперь у Любы и вовсе не стало помощников – некому за Алёшкой присмотреть, чтобы она могла сбегать в магазин или в аптеку. Зима стояла суровая, с собой малыша по такому морозу не потащишь, вот и старалась Люба обходиться малым, сама где-то и обойдётся, чаю попьёт.

Несколько раз она ходила в садик, спрашивала про места, но заведующая только руками разводила – некуда. Хоть люди и уезжают, увозят детишек, да только... Раньше садик нужды не знал, когда предприятие работало, на его балансе садик находился, а сейчас...

- Нас району передать должны, да вот пока не передали, что делать, - вздыхала заведующая, кутаясь в шаль, в кабинете было прохладно, - В одном крыле батареи встали, а чинить некому! Мы группы уплотнили, всех в одно крыло... Да только сами видите, холодно в саду. Мы делаем, что можем, греем группы, но что мы можем сделать! Сейчас многие родители в город на работу ездят, или в Советский, там ещё хоть что-то работает. Надеемся, что скоро нас передадут и будет полегче, тогда и приходите.

Люба вздыхала, да, в холодный садик малыша не отдашь, да и какой смысл, если в посёлке работы всё равно нет. А в город ездить... а если что-то с автобусом, который сам еле ползает уже, кто сына заберёт? Некому...

- Серёж, надо как-то выбираться нам отсюда, - говорила она мужу, когда тот торопливо ужинал, собираясь снова бежать по делам, - Работы мне здесь нет, садика Алёшке тоже... В магазине слышала, что котельная без ремонта, скоро может встать. И что тогда будем делать? Такой мороз... околеем тут. Может быть, домой...

- Опять ты за своё! – Сергей сердито стукнул ложкой, - Сказал же, скоро Владимир Константинович меня перевести обещал, у него точка новая в городе открывается, меня хочет туда руководить поставить. Потерпи, говорю же, ну! Тогда и переедем, Алёшку в сад пристроим, и я с ним поговорю, чтобы помог и тебя устроить. Хоть бы даже пол мыть в точках, он нормально платит.

- Сколько ещё нужно потерпеть времени? – Любе было обидно и за сына, и за себя, - Мы тебя почти не видим всё равно, так может мне тогда к родителям поехать пока? Поживём у мамы, и твои Алёшку повидают, я узнаю про учёбу...

- А я тут один останусь, да? – с обидой проговорил Сергей, - У меня и так уже от беляшей рыночных желудок болит, так ещё и дома ничего сготовленного не будет. Загнусь тут! Ты этого хочешь?!

- Не сердись, я как лучше нам всем хочу, а главное – Алёшке! Он маленький, я не могу его по такому морозу таскать, а в магазин молоко через раз привозят, караулить надо. Я тебе говорила про это... едешь домой, так хоть что-тохвати, из чего готовить-то.

- Ладно, я с ним снова поговорю завтра, - Сергей отодвинул пустую тарелку и встал, - Мне пора, поедем скоро, надо машину прогреть!

Муж снова ушёл, а Люба уложила сына и стала думать... И чем больше думала, тем лучше понимала – ей с сыном нужно ехать домой! А муж... ему нужно подумать, что ему дороже. Нет тут больше такого, о чём Сергей мечтал – за три года и квартира, и машина тебе потом...

Морозы немного попустили, Люба стала выходить на прогулку, укутав Алёшку и усадив его в санки, которые ей Тамара отдала, ещё Сашины. Люба вздыхала, глядя на заметённое соседское крылечко... и всё больше таких она видела в посёлке.

- О, Любава! Ну, как твои дела? Давно тебя не видно! – это Любу догнала почтальон Наталья, она сейчас и на почте работала, и на коммутаторе тоже, - Что не приходишь маме звонить?

- Морозы были, куда я с малышом, - улыбнулась Люба, она сама дома соскучилась, хоть поговорить с кем-то, - А как у тебя дела, Наташенька?

- Да какие дела, - вздохнула Наталья, - Говорят, скоро нас и вовсе тут закроют. Будет из города раз в неделю сотрудник приезжать, и всё. А коммутатора и вовсе не будет. Думаю к тётке ехать, там хотя бы завод работает, уже заявление на увольнение написала, через пару недель отчаливаю. А ты... домой не собираешься?

- Мы скоро в город переберёмся, мужу повышение обещали, вот и жду.

- Повышение, ну ещё бы! – хмыкнула Наталья и вдруг осеклась, испуганно посмотрев на Любу.

- Это... почему ты так говоришь? - спросила Люба, и внутри у неё всё похолодело от нехорошего предчувствия.

- Люб... слушай, я не знаю, правильно ли это, что я тебе скажу, но... езжай-ка ты лучше домой, к матери.

- Почему? Я же вижу, ты что-то знаешь, ну так и скажи!

- Я слышала... да и сама видала, что Серёжка твой... в общем, он с Вовкиной дочкой путается! – выпалила Наталья и испуганно посмотрела на Любу.

- Это... неправда, сплетни всё, - сказала Люба, но в горле у неё пересохло, - Болтают разное...

- Может и болтают, - заторопилась Наталья, - Пора мне, Люб... Пока! Если вдруг не увидимся больше до моего отъезда... удачи тебе!

Наталья побежала дальше, свернув на едва приметную тропинку, теперь трактор редко улицы в посёлке чистил, а Люба не могла с места сдвинуться. Потом повернулась к Алёшке, который заёрзал на санках, пытаясь слезть и походить по снегу.

Глава 6.

Не может быть, это всё сплетни и неправда, думала Люба, прихватив за шарф Алёшку, который шагал впереди по тропке, то и дело заваливаясь в сугроб. Однако внутри всё клокотало, ведь и сама она подозревала это, только... верить не желала!

Наверное, когда любишь человека, всегда такое чувствуется, незримое присутствие третьего, вернее, третьей, между ними. Вот и Люба чувствовала, только объяснить не могла, что же поменялось между ними с Сергеем. Но всё равно, мало ли что Наталья сказала, думала сейчас Люба, пока сама не увидит, никому верить не станет! Как же не хотелось верить в плохое...

А она и сама знала, что у этого Владимира Константиновича дочка есть от первого брака, её зовут Еленой, хотя продавщицы в поселковом магазине презрительно называют её «Жабой» и кривят губы.

- Прикатила к папаше, когда у того деньги завелись, - шептались в посёлке про Елену, - И строит тут из себя... а папаша-спекулянт ей магазин открыл, вон, тот, местные «чипком» называют. Там из-под полы разливают... всякое, и в долг даже, в тетрадку пишут долги до зарплаты человеку. А после помнит он что ли, спьяну-то, сколько брал, а записано чуть не на половину зарплаты! Вот и несут работяги потом в «чипок» чуть не всё, что выдали! А выдают и без того мало да редко, на еду и то не хватает, а тут ещё эта Жаба мужиков спаивает! Теперь ведь как – зарплата, праздник редкий, долгожданный, и тот вон куда уходит! А Жаба-Ленка и рада, ей и лучше, денег сколько гребёт!

Домой Люба вернулась сама не своя, усталого Алёшку накормила и уложила спать, налила себе в кружку горячего чая и сидела за столом, не в силах сделать и глотка. Грела о кружку ледяные свои ладони и думала...

Верить в сказанное Натальей не хотелось, но что-то внутри подсказывало – вероятнее всего, это правда, так и есть. Ведь сама Люба сколько раз встречалась с этой Леной возле того самого «чипка», и Люба каждый раз удивлялась, от чего хозяйка «новомодного заведения» на неё так насмешливо смотрит... Они ведь даже и не знакомы!

И что теперь делать? Люба потёрла лицо, щеки горели жаром, почему-то было стыдно... это что же про неё говорят в посёлке? Близких подруг Люба здесь не завела, так, приятельницы были, у всех свои дела и круг общения, местные девчата своими компаниями дружили, а кто приезжие, вот с ними Люба и гуляла иногда на детской площадке возле местной школы. Но такие знакомства скоротечны, кто-то уезжал, кто-то на работу в город устраивался и тогда времени свободного не оставалось на общение.

В общем, так уж сложилось, что и поделиться своей бедой Любе было не с кем... Она с соседкой Тamarой сдружилась, частенько друг друга выручали, и по-соседски в гости забегали, на чай, или домашнюю выпечку, когда таковая в доме водилась. А сейчас вот стоит пустой вторая половина дома, уехала Тамара к своей маме, в Воронеж...

Сергей приехал домой поздно вечером, Люба как раз только убирала лопату в покосившийся сарай – выпало много снега, и она чистила тропинку до калитки. Машина остановилась чуть поодаль, трактор ещё не прошёл по улице, да и вообще неизвестно – будет ли трактор, в последнее время он то ломался, то не было топлива. Люди говорили, что предприятие, а с ним и посёлок доживают последние месяцы.

- Чёрте что! Завалило всё, не пройти, я полные ботинки снега начерпал! Машину тоже пришлось у колонки бросить, как бы бампер не оторвать, мне тогда Константиныч чего другое оторвёт за это! – сердито ворчал Сергей, входя в калитку, - Ты бы хоть немного от калитки отгребла что ли, не только двор!

- Алёшка недавно только заснул, когда я тебе чистить должна?! – сердито ответила Люба, - Сам бы приехал пораньше и почистил, раз такой умный!

- Если я ещё дома буду за тебя всё делать, так нам нечего жрать будет! - резко ответил Сергей, - И вообще, какая муха тебя укусила? Мало мне на работе всякого, так ещё ты мне тут будешь скандалы устраивать?!

- Никто меня не кусал! – Люба подумала, ей почему-то неприятно говорить с мужем, - Я может быть тоже лучше бы на работу ходила...

- Я тебя рожать не заставлял, могла бы сейчас работать, - с усмешкой сказал Сергей и скрылся в доме.

Люба решила, что сегодня не станет ничего говорить мужу, немного подумает, так сказать, «переварит» всё это, и... подумает, где взять денег на билет, чтобы с Алёшкой уехать домой к маме.

- А что, сготовленного ничего нет? – Сергей гремел в кухне пустыми кастрюлями, когда Люба вошла в дом и повесила на вешалку старую куртку, в которой чистила двор, - Ты чем весь день занималась? Дрыхла?!

- Принесёшь то, из чего я смогу что-то приготовить, я приготовлю. А пока могу только чай предложить, вода в кране пока есть, и заварки немного осталось. И Алёшкина каша есть, но её же ты не станешь есть.

- Что, не могла в магазин сходить?

- Могла. Там бесплатно ничего не дают, - ответила Люба, умылась, и ушла спать в комнату к Алёшке, устроившись там на старом раскладном кресле.

Люба лежала на продавленном кресле и слышала, как Сергей что-то ворчит, хлопая дверцей пустого холодильника, потом хлопнула входная дверь – ушёл...

«Наверное к этой пошёл, к Лене, - подумала Люба и плотнее закуталась в одеяло, - У неё-то есть продукты, из своего «чипка» сколько хочет может взять. Завтра утром скажу, что нам с Алёшкой нужны деньги на дорогу, а там... будь что будет».

Люба заснула, сон был каким-то рваным, беспокойным. Снился пруд с тёмной водой, засыпанной осенней листвой. Жёлтые кораблики плавали по воде, подгоняемые ветром, и тонули в тёмной, как крепкий чай воде.

- Люб, спишь? – кто-то потряс Любу за плечо, она вздрогнула и увидела склонившегося к ней мужа, - Я в ларёк сходил, взял там чего было перекусить... идём, поедим.

Люба встала, накинула на себя кофту, в животе заурчало от голода, хотя есть ей и не хотелось, внутри всё сжалось от переживаний и... страха перед будущим.

Сергей набрал продуктов в этом самом «чипке», который работал допоздна. Пакетики с лапшой быстрого приготовления лежали на столе, на плите закипал чайник, Люба и Сергей сидели за столом друг напротив друга и молчали.

- Я там взял гречки, макароны ещё, и масло это, как там его... мягкое в пластиковой баночке. Говорят, хоть это и маргарин, а ничего, есть можно. Там особо и брать нечего, в ларьке... Давай, я послезавтра отпрошусь, и мы съездим в город на рынок, закупимся. Я не думал, что у нас ничего не осталось дома из продуктов.

- Я думаю к маме съездить погостить, с Алёшкой, - сказала Люба, - Ты всё равно дома редко появляешься, работы мне здесь нет, да и в сад Алёшку не берут, некуда. Ну вот, пока и можно съездить, как думаешь? У нас есть деньги на билет?

- Морозы обещают, как поедешь, - нахмурился Сергей, - Может ближе к весне? Денег Константиныч обещал дать на будущей неделе.

- У нас же были отложенные...

- Я их в дело пустил, чего им лежать! Так хоть прирост будет.

- В торговлю? – спросила Люба.

- Чего? – не понял Сергей.

- Я говорю – в торговлю, наверное, вложил, деньги-то?

- Ну... да, в товар. Константиныч точку в городе откроет скоро, запчасти там будут продаваться, вот туда. Скоро откроет, и когда отторгуется, отдаст всё. Тогда и на дорогу вам деньги будут, хотя... чего тебе там делать? Можно же до лета потерпеть, чего мотаться! У меня там отпуск, вот и поедem. Ты же знала, куда ехала, чего теперь жалуешься!

- Говорят, что у тебя с дочкой этого Владимира Константиновича роман, - сказала Люба, - Весь посёлок болтает одна я не в курсе.

Сергей застыл со свисающей с губы лапшой и вытаращил на спокойную Любу глаза.

- Ты... кто тебе наболтал такую чушь? – прожевав лапшу и чуть не поперхнувшись, выпалил Сергей, - Ну да, я Елену Владимировну тоже вожу, когда босс говорит, но уж... чего придумывать? Это народ от зависти говорит, а ты и уши развесила! Мы хоть как-то живём, и неплохо ещё, я тебе скажу! Вон, никому так не платят, а у меня зарплата нормальная! А... так вон чего... ты потому решила к матери поехать, да? Жаловаться на меня там и своей матери и моим, что я тут...

- Так что, неправда это, про тебя и Лену? Или всё же...

- Конечно неправда, Люб! Ты чего! Мне будешь верить, или местным сплетницам? Кто вообще тебе такое сказал? А, я знаю! Это Нинка из магазина наговорила, она видела, как я недавно Елену Владимировну из города привёз с бумагами, она ездила по делам своего магазина. Нинка стояла как раз недалеко, всё глаза пялила!

- Я не знаю, про какую Нину ты говоришь. Неважно, кто сказал, просто... Серёж, мы с сыном тебя и не видим почти, ты дома только ночью появляешься, и то не всегда. Мне тяжело... мороз такой на улице, я не могу Алёшку таскать с собой до магазина далеко, застынет.

- А мне что, легко?! – сердито проворчал Сергей, - Я пашу на вас, как лошадь! Мало того, что работаю, так вот ещё и за жратвой самому пришлось бежать!

- Спасибо тебе за это. Но ты хоть когда домой едешь, может быть, что-то из продуктов бы привозил, я же не прошу тебя готовить или дома прибираться.

- Ты знала, куда ехала, я тебя силой не тащил! – холодно сказал Сергей, и посмотрел на Любу, как на чужую, - Делаю, что могу!

Сергей заснул быстро, а вот Люба долго не могла уснуть. Всё лежала и думала, как это так получилось, что... вроде бы поговорить с мужем хотела, а ещё и сама виновата осталась.

Глава 7.

Наверное, с того вечера между ними словно застыло всё, хоть и скандалов тоже не было. Сергей стал чаще бывать дома, привозил продукты, чистил двор, только вот настроение у него было всё время плохое. И суп невкусный, и Алёшка снова ему не дал днём поспать, всё лезет играть и шумит.

- Серёж, ну что ты его шпыняешь, - с обидой выговаривала Люба мужу, - Конечно он к тебе тянется, потому что редко видит и скучает. Что, у него только я постоянно перед глазами... раньше хоть Тамара забегала, Санёк тоже заходил, а сейчас...

- Хватит ныть! Да и вообще, чего хоть мелешь! - сердился Сергей, - Он ещё маленький, чего понимает! Вон, машинки у него, игрушки всякие, не обязательно по мне прыгать постоянно! Уйми его, я полежать хочу, в кои-то веки!

Люба вздохнула. Слезы наворачивались на глаза, не за себя было обидно – за сына. Брала книжку и садилась читать Алёшке сказки, или ещё чем-то занимала малыша, чтобы Сергей мог поспать.

«В садике ему было бы интереснее, конечно, - думала Люба, глядя на смышлёного и активного сынишку, - Там с ребятами, а дома что... Всю зиму в четырёх стенах сидим, гулять на полчаса, и то не каждый день...»

Как-то Сергей снова припозднился, и Люба сидела в кухне, ждала мужа и с беспокойством смотрела в окно – снова была сильная метель. Она уложила Алёшку и больше часа чистила от снега двор, но сейчас намело столько, хоть снова иди доставай лопату. Но Люба так устала, что сил не было даже положить себе гречки, чтобы поужинать. Ждала Сергея, может быть, вместе поужинают, но ему видимо в другом месте ужин предложили.

Люба решила дожидаться весны, а там... а там будет видно, что делать. Сергей теперь денег им побольше оставлял, но Люба старалась отложить хоть немного, благо отчёта муж не требовал.

Калитка стукнула, и Любино сердце вместе с ней, теперь так было почти всегда... чем сегодня будет недоволен муж, не угадаешь, вздохнула Люба и поставила на плиту чайник. Но Сергей ввалился в дверь с пакетами и довольной улыбкой. Люба учуяла запах спиртного, но говорить ничего не стала.

- Любаха, не спишь? – Сергей бухнул на стол пакеты, - Чего там у тебя в кастрюле? Каша? Выкинь, я тут всякого вкусного притаранил! У Константиныча юбилей, в субботу в городе ресторан себе снял, будет собирать свою... братанов своих короче. Ну вот, сегодня ездили закупаться, так он мне говорит – бери, чего домой надо, я оплачу безналом потом. Вот я и набрал!

Он стал выкладывать на стол всякие деликатесы – колбасу, пару банок икры, дорогие шоколадные конфеты. Люба подумала, лучше бы взял курицу, масло и прочее такое, но... снова промолчала, что тут сказать? Взял и взял, теперь не обратно же нести.

- Ты молодец, спасибо, - сказала она мужу, - Ужинать будешь?

- Нет, мы в кафе заезжали, Константиныч голодным не ездит, вот и я поел. Смотри что я взял, - Сергей показал Любе добытую бутылку вина, импортного, судя по этикетке, - Доставай чашки что ли, бокалами-то мы тут не обзавелись! Ничего, вот в город переберёмся, там и...

Люба достала чашки, вина ей не хотелось, как-то муторно было на душе, потому что... этот Сергей был другим, каким-то чужим ей человеком, не тем, кого она знала там, в родном своём городе. Но ругаться с мужем ей не хотелось, почему-то знала - бесполезно. И ни к чему хорошему это всё равно не приведёт, тут сколько угодно можно отношения выяснять.

Сергей подливал и подливал в свою чашку из бутылки, пока Люба сидела только пригубив напиток.

- Константиныч говорит, дело хорошо пошло с магазином, но я думаю, лучше напроситься в его продуктовый, там выручка такая, что в запчастях нет и не будет, - рассказывал Сергей, язык его уже чуть заплетался, видимо эта бутылка была не первой за этот вечер, - А на продуктивном у людей процент от выручки в зарплате, больше получается. Ничего, Любаха, будет у нас и квартира, и машина, как хотели!

- А когда у тебя отпуск? Ты говорил, летом тебя Владимир Константинович отпустит, и мы домой съездим.

- Наверное, домой не получится в этот раз, - Сергей допил из чашки, - Если перейду на другую работу, в город, тут уж не до отпуска, придётся потерпеть. Там видно будет.

- Да, там посмотрим, - кивнула Люба, - Серёж, а у Владимира Константиновича, наверное, в городе есть знакомые, кто может посодействовать... Алёшу в садик пристроить, а я сама бы на работу куда-нибудь.

- Я спрошу, но потом. Когда сам перейду, а то скажет – слишком много хотим, сразу и то, и сё.

- Ладно. Тогда весной мы с Алёшкой может быть съездим домой? А то потом может и не получится.

- Чего мотаться через всю страну, это накладно! Поехали на заработки, а не деньги проматывать! Ладно, там посмотрим. Ладно, я спать пошёл. А, кстати... я завтра уеду на неделю, вроде командировки что-то. Константиныч сказал, ему надо поехать по делам, а на поезде он не желает. Ну ещё бы, если бы у меня такая машина была. Я бы тоже на поезде трястись не захотел.

- На неделю? Долго... Так ты зачем тогда вино сегодня открывал, если тебе завтра за руль! Нужно было оставить на потом, а то перед дорогой...

- Да ладно, до завтра всё выветрится. А ты же у меня молодец, справишься, за неделю ничего не случится. Собери мне сумку, чего с собой, смену там и всё такое, бритву не забудь положить, - зевая, сказал Сергей, - Завтра рано надо ехать, у этого пенька престарелого бессонница что ли, сказал – в пять утра выезжаем!

Люба собрала мужа, как и просил, да и проводила его спокойно, с улыбкой. Сергей утром подхватил сумку, выложил на стол перед Любой несколько крупных купюр.

- Ты тут не транжирь особо, - сказал он, видимо пожалев, что так много дал, а обратно забирать было уже неловко, - Отложи, сколько получится.

- Отложить не получится, - ответила Люба, - Алёшке нужно купить кое-что из одежды, я заказала Гришняк Люсе, та из Красноярска привозит детские вещи на продажу. Да и дома у нас всё заканчивается, порошок стиральный, сахар...

- Ладно, - Сергей ответом жены остался недоволен, - После командировки может премию дадут.

Калитка хлопнула, и силуэт мужа исчез в метели, на улице было ещё темно, и Люба со вздохом посмотрела на заметённый снегом двор. Снова чистить часа два, сколько нападало... Она взялась за лопату, пока Алёшка спит, и кидала снег, а сама думала...

Неприятно это всё, вот так «выкручиваться» с деньгами и врать мужу... за штаны Алёшке она уже заплатила Люсе, а мужу нарочно не сказала. На душе было противно от того, что на дорогу себе и Алёшке она вот так вынуждена собирать! Получится ли поехать весной к маме, Люба сомневалась, но... сидеть без копейки, когда на руках малыш, было страшно! Пусть хоть немного в книжке со сказками у неё лежит, и то спокойнее.

От мамы недавно пришло письмо, теперь такой вид связи был для всех самым доступным, потому что переговоры вдруг стали стоить дорого, да и коммутатор в посёлке работал как попало, не угадаешь, в какой день будет открыто. Почему-то расписания не было, видимо и в этой сфере были свои проблемы.

Ирина Петровна писала, что немного приболела, но уже поправляется, хорошо, сватья привезла ей мёд, с чаем пить. Остальные новости были не такие хорошие – квартплата снова подорожала, а зарплату не дают уже четвёртый месяц. Да что зарплата – в больнице пациентов кормить нечем, главврач уже несколько раз ездил в область, а толку нет. Коллектив переживает, как бы вообще их не закрыли, работу сейчас не найдёшь. Те из врачей, кто посмелее, ушли на другую работу, вот терапевта Семачёва Ирина Петровна видела на рынке, тот в небольшом магазине стройматериалы продавал.

Люба сама не знала, почему плакала, когда читала мамино письмо... Ведь на заработки поехали, а вот как получилось – и рубля не может маме в помощь послать, сама собирает каждую копейку.

Мороз на этой неделе был не такой сильный, больше донимали снегопады, и Люба с Алёшкой всё же выбирались гулять. Она зашла в магазин за сахаром, и снова разговорилась с продавцом Галиной Ивановной.

- Как Наталья уехала, так коммутатор не работает, я сыну не могу позвонить, он у меня в Тамбове живёт, служил там, и женился, так и остался там, - вздыхала женщина, - А младший и вовсе у меня в Армии... страшно, боюсь, как бы в горячую точку не послали. Говорят, что и на почте одного сотрудника оставят, второго сократят. И вовсе останемся тут, отрезанные от жизни... Вы, Любаш, уезжать не собираетесь? Молодёжь-то у нас вся почти в город подалась, это нам деваться некуда, кому мы там нужны.

- Да пока не знаю, как получится, - ответила Люба, что тут ответишь в её случае, - Я думала, может здесь какая работа будет, да вот в садик Алёшку не берут, некуда. А с ним, какая работа...

- А ты сходи к этим, буржуям-то новым, - Галина Ивановна кивнула в сторону «чипка», - Я слышала, там убираться ищут человека. Мыть там немного ведь, всего-то площади. В обед надо, и вечером. Потому что наносят на ногах, вот и хотят нанять уборщицу. Мальчонка у тебя уже подрос, поди и с ним сможешь приходить. Пришла, протёрла пол, да домой, а он пока посидит, вон какой смышлёный.

Люба вышла из магазина в раздумьях, но уже из проулка всё же свернула к этому «чипку». Спросит, может и в самом деле какое-то время получится поработать.

Продавец в магазинчике, прозванном в посёлке «чипком», не скучала за прилавком, как в районном магазине, куда Люба заходила чуть раньше. Женщина лет чуть за тридцать, Люба не знала, как её зовут, знала только, что раньше та работала в столовой предприятия, фасовала какое-то печенье и отвлеклась на посетительницу:

- Что вам? Вот, печенье свежее привезли сегодня, надо?

- Нет, спасибо. Я бы хотела насчёт работы поговорить. Слышала, что здесь убираться нужно дважды в день, вот я и хотела бы...

- А, да, искали человека, - женщина с сомнением посмотрела сначала на Любу, потом на Алёшку. – Это вам нужно поговорить с Еленой Владимировной, она решает.

- А как с ней можно встретиться? Я в любое время могу подойти...

- Она уехала, её не будет неделю. Вы приходите в будущий вторник, до этого времени всё равно никого не примут, без неё-то. На, малыш, держи печенку, угощу тебя!

Женщина протянула Алёшке печенье, довольный малыш заулыбался, а Люба с трудом смогла поблагодарить женщину... Вот оно, значит, как... вот тебе и командировка.

Люба решила, как только Сергей вернётся, она попросит у него денег на билет. Скажет – так решила, и всё. И больше сюда не вернётся. Не нужны они с Алёшкой Сергею, это была ошибка... её, Любина ошибка.

Глава 8.

Говорят, если хочешь насмешить Бога, расскажи ему о своих планах. Вот и у Любы так получилось, только собралась с мыслями – и вот тебе, пожалуйста. Хотела поехать в город, узнать, сколько стоит самый дешёвый билет на поезд, по её расчётам, того, что сейчас у неё было, должно было хватить. Но, увы, всё пошло не по плану. Сначала заболел Алёшка, а потом и сама Люба тоже почувствовала, как горит горло и тело всё просто разламывает.

Хорошо ещё, что у Алёшки только насморк, и температура не такая высокая была. Люба улучила момент, когда малыш заснул и побежала в амбулаторию, вызвать детского врача на дом. Там сказали – ждите, доктор один на весь посёлок, как освободится, так и придёт. Люба по пути заглянула в аптеку и купила себе аспирин, для горла таблетки, самые дешёвые.

Доктор пришла к ним через пару часов, посмотрела Алёшку, послушала, дала назначения и потом пригляделась к Любе:

- Вы и сама неважно выглядите. Давайте, вас тоже осмотрю. О... похоже, и вам надо назначения дать, терапевта у нас всё равно нет – она сама на больничном. Есть кому в аптеку-то сходить? Сами не ходите, сильнее только простынете, погода ухудшилась. Сейчас много детишек болеют, у меня ещё пять вызовов.

А кому идти в аптеку, подумала Люба, когда она тут одна. Ничего не стала говорить, поблагодарила доктора, и проводив её до калитки, поскорее вернулась в дом, её всю трясло от озноба. Алёшка заснул, сопя носиком, и Люба со всех ног побежала в аптеку, нужно купить то, что доктор выписала для малыша, только бы аптека работала!

Вернулась Люба домой с лекарствами, стуча зубами так, что ничего больше не слышала. Алёшка ещё спал, и Люба тоже прилегла, думая о том, что в аптеке она потратила почти половину того, что оставил Сергей им на неделю. Вот и всё, на билет точно не хватит, Люба примерно представляла сколько нужно на дорогу – когда уезжали Тамара с Санькой, Люба интересовалась стоимостью билетов. Ещё нужно с собой, потому что две пересадки, и мало ли что...

С такими мыслями Люба забылась болезненным беспокойным сном. Проснулась, когда за окном синели сумерки, Алёшка сидел рядом с ней и листал книжку, смыслённый парень – понял, что маме просто необходимо поспать.

- Малыш, ты голодный, а мама заспалась, - хотела сказать Люба, но не смогла, горло горело, голова раскалывалась.

Люба поднялась, болит-не болит, а накормить сына и дать ему лекарства больше некому. Покачиваясь и держась за стены, Люба пошла в кухню ставить чайник и готовить кашу. В глазах темнело, и она взялась за коробку с лекарствами, нужно принять таблетки и собраться! Продержаться хотя бы до приезда мужа, а там... хочет Сергей, или не хочет, работа у него, или новая девушка и развлечения, но пока Алёшка не поправится... А потом, когда и Люба сама выздоровеет, они с сыном отправятся домой. А Сергей... пусть живёт, как ему нравится, всё равно это не жизнь, вот так...

Сергей вернулся на день раньше обещанного, и застал Алёшку почти здоровым, а вот Люба... осунувшаяся и бледная, она почти не могла говорить, теперь её ещё и кашель донимал. Температура держалась, ничего уже не помогало, хоть Люба и увеличила дозу жаропонижающего.

- Хорошо, что ты раньше вернулся, - сипло проговорила Люба, не глядя на мужа, - Мы вот разболелись. Алёшка уже на поправку, а я... наоборот, что-то хуже стало к концу недели.

- Ну прими таблетку, ты же не маленькая, - с раздражением сказал Сергей, - Мне завтра надо в город, Константиныч согласился меня поставить на магазин, чуть позже. Покажу себя, и если всё хорошо будет, он поможет в городе квартиру снять тогда и вас заберу. А пока надо

потерпеть! Мне нужно будет уехать на месяц, по делу, босс доверил, вот сделаю, тогда он и на магазин поставит. А вы пока тут побудете.

- Нет. Я не поеду с тобой в город. И Алёшка тоже. Я поправлюсь, и мы поедem с ним домой, к маме. Я там работу найду, мама поможет с Алёшкой, хотя бы в ночь к ней в больницу устроюсь, и учиться снова пойду. Здесь мне не жизнь, а как тюрьма! Купи нам пожалуйста билет, через пару недель, я думаю, уже на ноги встану и смогу поехать.

- Домой? Нет уж, дорогая! Ты сюда сама хотела поехать, хотя я предлагал тогда тебе дома остаться! - Сергей говорил, сжав зубы, видно было, что он сдерживает злость, - Так что теперь будь добра!

- Серёж... зачем это всё, - Люба устало провела рукой по горячей голове, - Я же знаю, что ты... что вы с этой дочкой твоего босса... Весь посёлок уже давно знает, только я, наивная, слухам не верила. Да и своим глазам тоже, ведь понимала давно, что у тебя другая! Зачем ты нас тут держишь? Ни я, ни наш сын тебе не нужны. Не будем мешать друг другу жить.

- Ты... ты что..., - Сергей побелел лицом, - Тут себе хахаля завела что ли? Потому домой просишься? Чтобы там, без лишних глаз... Вместе с ним ехать вздумали? Кто он?!

- Какой хахаль! – закашлялась Люба, - Я дома безвылазно, да и зачем мне это...

- Не ври! – крикнул Сергей и звонкая пощёчина расцвела красным пятном на Любиной щеке, - Знаю я таких, тихоня-тихоней, а только отвернись!

- Ты... ты меня ударил?! – Люба поднялась со стула, в глазах у неё плыли тёмные круги, то ли от злости, то ли от болезни, а может это всё вместе...

- Да я сейчас тебя научу, как надо мужа встречать! - заорал Сергей так, что в комнате от испуга расплакался игравший там Алёшка.

- Только тронь! - стальным голосом отрезала Люба, - Терпеть не стану, учти! Заявлениями всех закидаю, пока тебя не посадят!

Сергей чуть отступил, хотя уже сжал кулаки. Тут в кухню прибежал Алёшка, вцепился в мать и испуганно ревел, глядя на родителей и не понимая, что происходит.

- Купишь нам билет, и мы уедем! – сказала Люба мужу, - Или я позвоню твоим родителям, пусть пришлют мне на билет!

- Вот, видала! – Сергей соорудил фигу и ткнул в лицо жене, - Вот тебе, а не билет! Чтобы ты там про меня небыхлицы рассказывала моим родителям?! Нет уж, дудки! Сама сюда припёрлась, сама отказалась аборт делать, а могла бы меня тогда послушать, и не было бы у нас... этого, - Сергей махнул рукой на Алёшку, - В чём ты меня теперь упрекаешь, что дома сидишь? Скажи спасибо, что я вас кормлю! Не сидела бы, а работала, доучилась бы если бы меня тогда послушала, ну вот теперь живи, как пожелала, и не ной! Никуда вы не поедете, я сказал! Родителям моим только попробуй звонить, костей не соберёшь, учти! Как я сказал, так и будет! Устроюсь, вас перевезу, если... будешь себя хорошо вести, а нет... Окочуришься тут!

Люба открыла было рот, сказать мужу, что всё равно уедет, но тут всё поплыло у неё перед глазами, как-то странно стукнуло сердце, она схватилась рукой за стол, но не удержалась и сползла по стене, в голове стало мутно, только одна ясная мысль – как бы сына не ударить ненароком, падая.

Очнулась она в кровати, укрытая одеялом и огляделась. Обшарпанные стены, когда-то покрашенные зеленоватой краской, окна, наполовину задёрнутые белыми шторками – Люба поняла, что она в больнице.

На соседней кровати спала тучная женщина, смачно, по-мужски похрапывая, ещё две кровати были пустыми. Возле Любиной кровати стояла старенькая тумбочка и стул, за окном было темно, светил желтоватый фонарь, и Люба не поняла – вечер сейчас, ночь, или раннее зимнее утро.

В больничном коридоре было тихо, поэтому Люба решила – скорее всего ночь, и попробовала подняться. Села, осторожно опустив ноги на пол, он был ледяным, да и вообще в палате

было холодно. Тут только Люба заметила, что она лежала под двумя одеялами и одета во фланелевый больничный халат.

- Эй, тебе вставать нельзя, - сиплым со сна голосом сказала женщина с соседней кровати, - Куда собралась? Если надо, я позову медсестру!

- Не нужно, я просто... встать хотела...

- Встать! Ну да! Когда тебя сюда принесли, я вообще думала, что ты ночью померёшь, - женщина села на кровати, закутавшись в одеяло, - Б-р-р! Холодина, конечно, тут, батареи еле живые! А у тебя пневмония, кстати! На скорой привезли, и ты несколько дней в бреду валялась, так что лучше не вставай.

- Несколько дней? – Люба с ужасом подумала, как же там Алёшка... и как Сергей, ведь они так сильно разругались... что он будет делать, с кем оставит малыша...

Она всё же встала, подержалась немного за спинку кровати, чтобы унять головокружение. Нужно пойти на сестринский пост, спросить... Но тут медсестра сама заглянула в палату.

- Ты зачем встала, Любава? Ну-ка в кровать! Мы едва её выносили, а она... холодно у нас, нельзя тебе!

- Спасибо вам, но я... мне нужно узнать, что с сыном, он маленький совсем, а муж... его в командировку отправить должны были, у нас нет здесь никого из родных, - сбивчиво рассказывала Люба.

- Позавчера муж твой был, справлялся. Всё, что нужно привёз и предупредил, что вы в посёлке живёте, и он с ребёнком один остался, приезжать часто не сможет, - сказала медсестра, - Так что давай-ка в кровать! Справятся твои мужички, не они первые, а твоя забота поправляться!

Медсестра ушла, проверив у обеих женщин температуру и покачав головой – у Любы набежало тридцать семь.

- Хочешь пить? – спросила Любу её соседка, - У меня вот в термосе есть, дочка принесла. Меня кстати Александрой звать, но ты шурой зови, так проще.

- Спасибо, - Люба взяла из рук Шуры кружку с горячим напитком, - А я Люба.

Утром, когда доктор пришёл с обходом. Люба узнала, что лежать в стационаре ей долго, может быть даже месяц, огорчилась, конечно, и страшно было за Алёшку...

Сергей приехал к ней через две недели. Сел на краешек стула в палате, Любу не отпускали в приёмную, где остальные пациенты принимали посетителей, потому что там было холодно.

- Как Алёшка? Справляешься? С кем он, когда ты...

- Со мной он, с кем ещё, - ответил Сергей, напряжение между супругами сквозило в каждом слове, - Да нормально мы. А тебя когда выпишут? Доктор мне сказал – нескоро... сказал – у тебя осложнения какие-то...

- Мне тоже так сказал. Алёшка поправился?

- Да, поправился. Вот, тебе рисунок передал, - Сергей положил на одеяло свёрнутый вчетверо тетрадный листок с детским рисунком, - Люб... я не смогу приезжать часто, автобусы до посёлка теперь не ходят. Я сегодня Кристину попросил с Алёшкой посидеть, за деньги, конечно... Ну, это которая в магазине работает. Она согласилась, но это только сегодня.

- Не приезжай, мне ничего не нужно, лучше с Алёшкой будь.

- Так это... когда тебя выпишут, я и не узнаю. Коммутатор не работает, не позвонить даже. Я тебе привёз сумку с верхней одеждой, так что если выпишут...

- Да, спасибо, я сама приеду, не волнуйся. Ты только Алёшку побереги, не застуди, и вообще...

- Да уж справлюсь, не дурак. Да и морозы отпустили, уже к весне дело идёт. Когда тебя выпишут, уже, наверное, и снег начнёт таять, пусть немного ещё.

Сергей замолчал, говорить им было не о чем, и неловко как-то. На соседней кровати сидела шура и в оба уха слушала их разговор. Сергей положил на тумбочку пакет с апельсинами и сказал:

- Ну, я тогда поехал. Мне ещё по делам... Босса не волнует, чего там на семейном фронте, ему главное работать – он за это деньги платит, а я сейчас... не работник.

Сергей ушёл, а Люба стояла у окна и смотрела, как он выходит за ворота больничного сквера. Предчувствие чего-то нехорошего томило душу так, что было больно в груди, и она снова раскашлялась, зябко поведя плечами.

Глава 9.

- Таисия Васильевна, можно позвонить? – спросила Люба сестру-хозяйку, - Мне по межгороду, но я могу заплатить, сколько скажете! Попрошу мужа, он привезёт деньги.

- Да кому тут платить, я же не касса, - вздыхала пожилая женщина с усталым лицом, - По межгороду нам нельзя звонить, накажут потом. Премии лишат, хотя... чего там лишать, не только премии, а зарплату уж который месяц не видим. Любаш, нельзя, вот честное слово! Кабы не проверки, я бы разрешила. Но ведь... уволят! А мне до пенсии два года, куда пойду? Ну, ты не грусти. Подожди, пока Светлана Константиновна будет по отделению дежурить, и у неё спроси. Докторам некоторым разрешают звонить-то, из своего кабинета. Только тихо, никому ни слова!

Последнюю фразу Таисия Васильевна прошептала так тихо, что Люба едва расслышала, но она понимала – всем сейчас тяжело, поэтому только поблагодарила за совет и стала ждать доктора Светлану Константиновну.

Люба хотела позвонить маме, поговорить с ней, и может быть... рассказать всё. Ну, не совсем всё, конечно, маминого здоровья было жалко. Каково ей будет, когда такое узнает... и помочь нечем, да, сейчас трудно всем.

Доктор Светлана Константиновна была женщиной строгой, и Люба думала, что та скорее всего откажет в такой просьбе. Поэтому подошла к доктору с холодеющей душой.

- Хорошо, позвони, - кивнула Светлана Константиновна, - Идём в мой кабинет, я тебя там посажу. Но... Любаша, недолго, не больше пяти минут, хорошо? Мне пока разрешают такую «вольность», потому что я училась недавно в Москве и консультирую тут... по району, в области, и в Москву сама звоню иногда.

- Светлана Константиновна, спасибо! Я недолго, мне нужно маме позвонить, и всё, - обрадовалась Люба.

Доктор усадила Любу к телефону, предупредила ещё раз о времени, потом вышла и заперла кабинет снаружи, предупредив, что вернётся через десять минут.

Дрожащими руками Люба стала набирать мамин номер, перебирая в голове, что скажет, а про что лучше промолчать. Но... в трубке раздавалось шуршание, а потом звонок просто отключался и раздавался длинный гудок. Всё оборвалось внутри у Любы... может что-то случилось?

Она тут же принялась звонить маминой соседке Людмиле Ивановне, но... результат тот же самый. Тогда Люба стала набирать все телефоны, которые помнила – мамина работа, подруга Оксана, набрала и родителям Сергея, но – ничего. Словно вся телефонная связь в родном Любином городе и окрестностях перестала существовать!

Люба поняла – скорее всего что-то изменилось... может код города, или сами номера, но... как теперь Любе про это узнать? Вспомнив номер справочной, который она видела на стенде коммутатора, Люба набрала его.

- Такая справка платная! – ответил Любе женский голос, - Ваш номер не подключен...

Люба тут же положила трубку – ещё спишут ту самую плату за справку, и что она потом Светлане Константиновне скажет! Ладно... ничего, она что-то решит, Люба пыталась унять дрожащие руки, она обязательно что-нибудь придумает!

- Ну как, успела поговорить? – в двери повернулся ключ и заглянула Светлана Константиновна, - Любаш... случилось что?

- Да ничего, просто я до мамы не дозвонилась. Спасибо вам, Светлана Константиновна!

- Не за что, у нас у всех мамы, - улыбнулась доктор – Моя вот тоже всё время беспокоится за нас. А ты дрожишь вся, знобит? Так, немедленно в кровать! Сейчас приду, ты пока

градусник поставь, посмотрим. И давай без возражений, моя задача – тебя поскорее на ноги поставить!

Люба не стала возражать, ей и самой хотелось лечь и не подводить доброго доктора, потому что, наверное, от волнения голова её немного закружилась, навалилась слабость. Ей и самой нужно поскорее выздороветь, у неё сын дома маленький, и... пока ещё муж, не очень надёжный!

Через пару дней к ним в палату заглянула санитарка Серафима Ильинична:

- Любаш, муж твой был, не стал дожидаться, сказал – занят. Велел передать тебе, что у них с Алёшей всё хорошо, он пока с сыном дома и ты не волнуйся. Привёз вот тебе пакет, и ещё из одежды что-то, я в гардероб унесла, на тебя оформила, к остальному.

В пакете Люба нашла два яблока, апельсин и пачку печенья. Ну, и это хорошо, потому что рацион больничной столовой был, мягко говоря, скудным, хотя и было видно, что повара стараются изо всех сил, чтобы не питались пациенты одним «супом из капусты с капустой». Но... не их вина, готовить надо из чего-то...

В ту ночь она почти не спала, думала, что же с мамой, и вообще, как ей самой дальше быть. Было страшно за сына, с кем его оставляет Сергей, когда ездит в город? А Люба подозревала, что это далеко не первый и не второй раз, когда Сергей в городе оказался, просто к ней у него нет желания каждый раз заглядывать, у него другие заботы... Слёзы сами потекли, и Люба уткнулась в подушку, чтобы не разбудить соседку Шуру, чей богатырский храп сотрясал оконное стекло.

- Любашка, ты чего, плачешь, что ли? – Шура проснулась сама, - Чего стряслось?

- Да ничего, за сына страшно. Не нужны мы с сыном моему мужу, вот я теперь тут... хочу завтра идти к Светлане Константиновне, проситься на выписку. Дома долечусь, у меня сынок – совсем малыш.

- Не выпишут тебя в таком состоянии, можешь не ходить зря. Ну, расскажи, чего муженьку твоему не нравится? Да не стесняйся, я ведь... муж мой год назад к молодухе усвистал. Она молодая, тонкая-звонкая, а я, вот... Дочка у нас взрослая уже, в Красноярске живёт своя у неё жизнь. Ну вот, я и слетела с катушек, как муж ушёл. Пила месяца два, после кое-как очухалась, взяла себя в руки. Болячки полезли, как грибы, вот тем и занимаюсь, лечусь. А что ещё мне делать... думаю, скорее бы помереть что ли, это не жизнь. Никому не нужна...

- Ты что, Шура! Какое – помереть! – Люба вскочила с кровати, села рядом с Шурой и обняла за плечи, - У тебя дочка, внуки будут, ты дочке нужна! Вот мне мама очень нужна, и я по ней каждый день скучаю, пока здесь живу. Всё думаю, как она там... Была бы я рядом, или хотя бы недалеко жила, она бы с Алёшкой нянчилась, и вообще... вместе всем полегче было бы.

- А твой-то чего? Ты вон какая хорошенькая! Фигурка стройная, на личико милая, характер добрый! Чего не хватало? Или просто поссорились? Так помирись ещё, дело ваше молодое.

- Да нет... у него другая уже есть. Богатого папы дочка, мой муж у этого человека работает.

- Ах, вот оно что. Ну, тогда и не убивайся, туда ему и дорога! Пусть катится! Никого ещё эта дорожка до добра не доводила, когда одни денежки на уме. А твой – вовсе дурак. Сказку про Буратино помнишь? Вот так его и проведут, увидишь. Пообещают золотые горы, а на деле – всё будет этого папы дочке принадлежать, а мужик твой с голым задом останется. И поделом. А тебе... Ты, Любаша, себя побереги, и домой не рвись. С сыном муж твой справится, от этого ему никуда не деться, а вот тебе здоровье нужно. Ты ему и здоровая не нужна была, а уж больная тем более не нужна будешь. Самой тебе надо о себе думать, ты у сына одна! Крепись, Любашка, ты сыну своему и за мать, и за отца будешь, теперь всю жизнь.

Проговорили они почти до утра. В больничном коридоре чаще слышались осторожные шаги медперсонала, стационар оживал, а Люба только закрыла глаза. Всё верно Шура сказала, и ей не плакать нужно, а выздоравливать. И приниматься за дело, устраивать свою жизнь и жизнь своего сына, теперь уже без Сергея.

Больше месяца прошло с того дня, когда Любу в почти бессознательном состоянии привезли в районную больницу. До посёлка добираться было долго, почти четыре часа, и Люба торопливо одевалась в небольшом закутке возле приёмной, как раз для этих целей выделили небольшое помещение. Сергей привёз её куртку, шапку, нужную одежду, да вот только... ни гроша у Любы не было в карманах, хотя сама она помнила, что перед тем, как попасть в больницу, она ходила в аптеку и кошелек с небольшой суммой оставила во внутреннем кармане куртки.

Теперь, обшарив все карманы, ничего не нашла. Может, кто-то из персонала, подумала Люба... страшно было думать, что это сделал муж, намеренно...

- Любаш, ну что, собралась? – в закуток заглянула Шура, она куталась в больничный халат, - А я проводить тебя пришла, не выдержала!

Шуре до выписки ещё долго было, ей недавно сделали операцию и теперь решали, нужна ли повторная. Люба поддерживала соседку, как могла, ведь дочка так ни разу и не приехала навестить маму в больнице, только звонила иногда на сестринский пост. И теперь Любе было жалко оставлять Шуру без поддержки... но дома у неё Алёшка, ей нужно домой!

- Ты чего? Расстроилась что ли, домой не хочешь? – пошутила Шура, глянув на потерянную Любу, - Чего стряслось? Муж не встретил, а ты ждала?

- Нет, не ждала. Кошелек у меня в кармане был. Теперь вот нету. На билет денег нет..., - Люба села на старый скрипучий стул у стены, - Автобус бесплатно не повезёт!

- Ой, тоже, проблема! Жди меня здесь! – Шура исчезла, дверь за ней тихонько щёлкнула щекоткой.

Шура появилась через минут пять, она обняла Любу, крепко прижала к себе, и коротко вздохнула, сдерживая слёзы. Она не любила показывать слабость, Люба это уже знала, но ведь не каменная она, Шура, хоть и сильная...

- Вот, держи. Бери, чего ты! И не вздумай возражать, это вообще не для тебя! – Шура сунула в Любин карман несколько купюр, - Тут немного, и это для твоего Алёшки, чтобы он маму поскорее увидел! Всё, беги давай, а то я сейчас разревусь! А, вот ещё, я тебе свой адрес написала и телефон. Если что, не стесняйся, приходи!

Люба не сдерживала слёз, она-то не такая сильная, как Шура. Обнялись снова, крепко сжав друг друга, две женщины, оказавшиеся здесь случайно и вовсе неслучайно встретившиеся. Потом Люба бежала на автовокзал, единственный рейс, который ходил в их посёлок, должен уже скоро отправиться, так что ей бы не опоздать!

Глава 10.

В автобусе было холодно, Люба развернула шарф и закутала плечи, опасаясь снова простудиться, Светлана Константиновна предупреждала – нужно побережись. Оконные стёкла затянуло инеем, и Люба то и дело прикладывала ладонь к стеклу, чтобы сделать проталинку и посмотреть, где они едут. Но мимо плыли заснеженные деревья, ничего не понятно, где-то едут, попробуй разбери.

Люба проголодалась, и подумала, Шура сейчас чай пьёт в палате, они всегда в это время чаёвничали, Шура каким-то образом «добывала» печенье – просила персонал, чтобы купили и давала на это деньги. Чаще всего их Серафима Ильинична выручала, но каждый раз строго спрашивала:

- Доктор разрешает печенье есть? Глядите у меня, узнаю, что обманули, самолично вам клизмы пропишу! Побегаете!

- Серафима Ильинична, милая, - Шура обнимала санитарочку, - Вот честное слово, доктор разрешила печенье к чаю! А Любе вообще полезно, она вон как исхудала на больничных харчах! А это плохо, ей поправиться надо немного, чтоб мясо на костяхросло.

Люба вздрогнула, она задремала, а автобус тряхнуло на кочке. Синие зимние сумерки заглядывали в проталинку на окне, её почти затянуло инеем. Народу в автобусе было немного, на задней площадке сидела стайка молодёжи, видимо, студенты. На передней, за водителем, трое женщин бурно обсуждали покупки и цены, вздыхая и качая головами. Через сиденье от Любы сидели двое мужчин, они видимо ехали с работы, и сейчас устало дремали, свесив головы на грудь.

- Скоро поворот уже, - сказала одна из женщин впереди, - Хорошо сегодня, не опоздали, вовремя приедем. Мне Настёнку из садика забирать сегодня, Маша уехала на смену. Вот времена настали, на работу за тридевять земель кататься люди вынуждены! И куда правительство смотрит!

- Нужны мы правительству тут, - вздохнула её соседка, - У них свои заботы, на нас всем плевать. В Сосновой завод закрыли, и народ говорит, что станки демонтируют и вывозят, наверное, за границу.

Женщины оглянулись и стали говорить тихо, Люба больше не слышала их разговор и стала думать про своё. Скоро автобус проехал по тряской дороге в сам посёлок, трактор здесь ходил редко и чистил как попало, потому и дорога превратилась в сплошные кочки.

Люба выскочила из автобуса первой, душа прыгала, сердце стучало в висках от волнения, что вот сейчас она добежит до дома и обнимет Алёшку! Ни о чём другом она сейчас думать не могла! Но всё же постаралась взять себя в руки и не бежать со всех ног – сейчас подморозило, и надыхаться холодным воздухом ей не хотелось, надо себя беречь.

Люба шла по переулкам, заваленным снегом, было видно, что люди здесь только тем и спасаются, что сами чистят улицу лопатами, трактор сюда и не заглядывал. Многие окна в домах были темны и пусты... видимо, люди уезжали, кто куда мог. Любе стало страшно, она подходила к своему дому и облегчённо вздохнула – в окнах их половины горел свет! И что интересно – в соседней половине, где раньше жили Тамара с Санькой, тоже окна светились, и даже висели шторы. Видимо у них появились соседи, и это замечательно!

И улица до самого забора, и двор были вычищены от снега, снеговые кучи аккуратно выровнены, возле крыльца была воткнута так хорошо знакомая Любе фанерная лопата. Значит, Сергей чистил двор, какой молодец, следил тут...

Люба открыла калитку и торопливо вошла во двор, взбежала на крыльцо и потянула дверь в сени. На глаза набежали слёзы, всё внутри тряслось от волнения, и Люба удивилась – вторая дверь, ведущая из сеней в дом, была заперта. Странно... Сергей, когда был дома,

никогда не закрывался, это была Любина привычка. Люба постучала и прислушалась... Внутри раздались шаги, дверь открылась, и на Любу удивлённо уставилась молодая женщина с младенцем на руках, из-за полы её халата выглядывала девчушка лет пяти со смешным хвостиком на макушке.

- З... здравствуйте, - девушка с удивлением смотрела на Любу, а Люба с неменьшим удивлением смотрела на неё.

Не может быть, чтобы это была та самая Елена-Жаба, дочка Серёжиного босса... или... у неё вроде детей нет, но сейчас Люба вообще не понимала, что происходит.

- Простите... я не знаю, как получилось, но... я здесь живу... жила, с мужем и сыном. А вы... кто? И почему?

- Вы входите, - девушка отошла в сторону и пригласила Любу войти, - Я знаю, кто вы, видела вас в посёлке, да и вообще... Меня Надеждой зовут, и теперь мы здесь живём. Муж мой на самосвале работает, и раньше мы в бараке жили, но теперь вот на предприятии снова комиссия была, распределили пустое по тем, кто в бараках, потому что один барак сгорел. Но я... я не понимаю, зачем вы вернулись?

- Вернулась? Так куда же мне деваться, если это мой дом.

- Ваш муж сказал, что вы в городе... вещи все забрал и всё перевёз, я думала... вы в городе теперь живёте. Не всё забрал, конечно, мебель осталась, и даже телевизор... Вы что-то хотите забрать?

- Нет, я не за этим, - Люба всё понимала, но мозг отказывался верить в происходящее, - А вещи... вещей не осталось, или документов каких-то?

- Нет, такого ничего не осталось. Простите, даже чаю не могу вам предложить, у меня младший приболел, а мы ещё и не обустроились тут...

- Ничего, не беспокойтесь. Простите, что я... А кто теперь в другой половине дома живёт?

- Да тоже семья из барака, они погорельцы, их раньше, чем нас сюда поселили. Мы две недели назад въехали, ещё вещи не все разобрали.

- Простите, - Люба понимала, что произошло и видела скрытое беспокойство в глазах Надежды, - Я... так зашла, спросить про документы... кое-что потерялось при переезде, думала, может здесь осталось.

Люба вышла на улицу на негнущихся ногах, Сергей её здесь бросил. Без денег, без документов, но это... не самое страшное! Он увёз Алёшку! Куда он забрал малыша, с кем тот теперь? И как Любе это узнать?

Она пошла в тот самый «чипок», решила, может там что-то сможет узнать. За прилавком скучала та самая Кристина, про которую Сергей говорил, что просил её посидеть с Алёшкой. Отлично! Значит можно хоть что-то узнать!

- Люба? Вы что, вернулись что ли? – удивилась Кристина, - Как это...

- Здравствуй, Кристина. Как жизнь? Покупателей много? – Люба оглядела небольшой магазинчик, больше похожий на ларёк.

- Да нет, немного... ещё со смены не пошли люди...

- Расскажи мне, что тебе сказал мой муж, куда они уехали?

- Я... Люба, да объясни ты сперва, что происходит?! Как ты здесь оказалась? Сергей сказал, что тебя выписали из больницы и вы теперь в городе квартиру снимаете, а после... сказал, что вы уезжаете домой, к родителям! Ты, он сам, и ваш сынок! Все вещи забрал, жильё сдал!

- Да, интересные новости, - Люба села на старый табурет возле прилавка и размотала шарф, от волнения стало жарко, - Я только сегодня из больницы выписалась...

Кристина налила стакан воды и поставила перед Любой, потом заперла дверь магазинчика, повесив снаружи бумажку с надписью «Перерыв пятнадцать минут». Разговор был не из таких, которые разговаривают при посетителях.

- Я подозревала, конечно, что твой мужик с Жабой путается, но кто же знает наверняка! Свечку никто не держал! Когда тебя в больницу увезли, Сергей перепугался, видно было, и всё в город мотался, меня просил с Алёшей посидеть, а мне деньги нужны, сама понимаешь... Да и малыш у вас чудесный, я ему говорила про тебя, что ты с коро поправишься и приедешь, мы с ним всё время в больницу играли, медведя лечили и зайца плюшевого. Он и не капризничал, держался, этакий маленький мужичок, хотя видно было – скучает, и поплакать охота. А потом Сергей сказал, что снял квартиру в городе, тебя выписали и ты там, и скоро вы уезжаете домой, на родину к родителям. Я не думала, что ты в больнице ещё... Сейчас многие уезжают, кому есть куда ехать, это нам некуда деваться, вот и сидим.

- А где Елена? Тоже в городе, не знаешь?

- Не знаю точно, но... Люб, она этот «чипок» продала, его Файзуллин Ринат купил, он теперь тут хозяин. А Жаба... говорят, она и в Привозном продала ларёк свой, всё попродавала. Мы с девочками думали, что она в городе хочет что-то покупать, большое, может магазин. Но я сомневалась, зачем тогда ей всё продавать, когда папаша ей что угодно бы купил, хоть магазин! Говорят... но это я думала уж точно сплетни, что Ленка в Москву укатила... так может... Люб, может они вместе уехали? Когда я сидела с Алёшей, незадолго до их отъезда, он говорил, что скоро к бабушке и деду поедет.

- Спасибо тебе, - сказала Люба, сдержать слёзы она не могла, всё внутри словно горело болью от такого предательства мужа и разлуки с сыном, - Да, надо позвонить...

- Звони, у нас межгород! Ринат нам разрешает иногда звонить, недолго, я скажу, что это я звонила если что.

- Спасибо, я быстро!

Люба снова попробовала позвонить домой по всем телефонам, какие только помнила. Результат был такой же, но зато она дозвонилась до справочной и узнала, что в её родном городе поменяли номера телефонов, но сказать номер по адресу отказались, сославшись на запрет разглашать.

Тогда Люба набрала номер городской больницы, той, откуда она только этим утром вышла. Было занято, и Люба стала ждать.

- Куда ты теперь? – спросила Кристина, - Можешь у меня переночевать. Артём на смене, только завтра придёт.

- Спасибо тебе, Кристина. Сейчас я позвоню, и, если не получится, приму твоё приглашение.

Но до сестринского поста она всё же дозвонилась и уже через минуту говорила с Шурой. Та молча выслушала сбивчивый Любин рассказ и сказала твёрдо:

- Приезжай. На обратную дорогу тебе хватит? Ну вот, садись в автобус, и дуй сюда. Приедешь в больницу, да, я знаю, что не пустят так поздно, но сегодня дежурит Серафима Ильична. Так что – дуй сюда, Любаня, и не трясись!

- Возьми хоть шоколадку перекусить. И вот, вода ещё, лимонад, - захлопотала Кристина, - Да не нужно денег, ты что! Запишу на себя, нам можно брать на перекус, так что не переживай за это.

Девушки обнялись на прощанье, почему-то Любе казалось, что в этот посёлок она уже никогда не вернётся. Что с ней будет дальше, как она выберется из такой беды, куда попала по вине мужа... без денег, без документов... ведь паспорт Сергей забрал с собой, а может и вовсе сжёг, в больнице документы не хранили, отдавали родне.

Люба снова сидела в холодном автобусе, ехать было далеко и долго. А добираться до дома ещё дольше, и это предстояло сделать Любе во что бы то ни стало.

Глава 11.

- Девчата, только недолго, - шептала Серафима Ильинична, выглядывая из приёмной в больничный коридор, - Если кто увидит, накажут меня!

- Серафимочка Ильинична, мы быстро! – Шура кивнула, и они с Любой сели на старенькие стулья в самом углу приёмной, куда днём приходили посетители, навесить в больнице родных.

Люба говорила сбивчиво, и рассказывая всё Шуре, теперь сама раскладывала всё по полочкам. Всё, что произошло в её жизни так неожиданно.

- Шурочка, милая... прошу тебя, помоги, если можешь, - Люба умоляюще глянула на свою знакомую, - Мне не к кому больше пойти, никого нет здесь. Может кто-то пустит на неделю хотя бы, пожить. Попробую что-то сделать, нужны же документы... И может хоть какую-то работу найду, мне бы только на билет до дома заработать.

- Так, не шуми. Вот, держи, это ключи от моей квартиры, поезжай туда. Я тебе адрес на бумажке писала, ты не потеряла бумажку-то? Ну вот и хорошо. Иди на остановку, садись на «четвёрку» только на другую сторону дороги перейди, на ту остановку. Поедешь до остановки «Дом культуры», это... вроде бы четвёртая отсюда, спроси у кондуктора, я отсюда редко ездила, не помню, которая остановка то по счёту. Ну, дальше иди до магазина «Радуга», а за ним как раз мой дом, ты на месте. Располагайся без стеснения, отдохни. А завтра я позвоню, поговорим.

- Шурочка... как же я... ведь хозяйки и дома нет, а я...

- Любаш, брось. Ты ведь понимаешь, в какой ты ситуации? И одним днём ты всё не выяснишь, да и за неделю возможно тоже. Так что... А меня ты не стеснишь, не переживай. Там холодильник почти пустой у меня, я не запасала, но что-то есть, консерва там... Всё, что найдешь – кушай, не стесняйся. А завтра подумаем, что делать и с чего начать. Для начала тебе нужно отдохнуть и успокоиться.

Было уже поздно, когда Люба открывала ключом дверь Шуриной квартиры. Небольшая двушка в хрущёвке, с проходной большой комнатой, встретила её некоторым запустением, но была очень уютной.

Люба разделась, аккуратно повесила на вешалку свою куртку и вытерла мокрый от снега пол, она сама нанесла его на ногах. Шура была права... это надолго, Любе теперь придётся решать много вопросов, но сейчас... она так устала, что голова просто не в состоянии думать. Слезы сами просились наружу, просто невыносимо больно было от того, как они кипят в глазах.

Стоя под тёплым душем, Люба плакала навзрыд. О себе, об Алёшке, о том, что встретиться им нескоро придётся, а Люба... она ведь домой ехала, душа пела от того, что вот сейчас приедет, обнимет сына, уткнётся в макушку мягких волосиков, вдохнёт родной запах. И вот... страшно было, как она выберется из всего этого?

Выплакавшись, Люба взяла себя в руки, поставила на плиту чайник, нашла заварку, она была там, где сказала Шура. И скоро она уже сидела с чашкой горячего чая, куталась в большой Шурин халат, и думала. Ничего, справится! Она не одна, вот Шура ей подскажет, поможет!

Утром зазвонил телефон, стоявший на маленьком столике у окна. Люба взяла трубку и услышала весёлый Шурин голос.

- Ну, как спалось? Отдохнула? Ну и молодец. А я тоже времени зря не теряла.

- Шурочка, спасибо тебе, что бы я без тебя делала!

- Да ладно тебе, перехвалишь меня. В общем, слушай внимательно. А лучше, возьми там на серванте карандаш и бумагу, пиши. Моя одноклассница работает в одной структуре, нам сейчас очень полезной. Так вот, она договорилась, я сейчас скажу куда тебе надо идти и что написать об утере паспорта. Тебе дадут справку временную. Фотография нужна, ты деньги

возьми в серванте, в сахарнице! Ой, только вот не пыхти, там немного и нужно! Ну вот, сделаем тебе пока справку, а там решим, что дальше.

Возражать Люба не стала, что тут сказать, без помощи Шуры ей тогда просто нужно идти пешком в сторону дома, и всё. Поэтому она благодарила Шуру, и писала адрес, куда идти, кого спросить и что принести.

«Сделаю справку и попробую хоть на какую-то работу устроиться, - думала Люба, сидя в маленьком фото-ателье и делая снимок для справки об утере паспорта, - Шууре отдам то, что она мне сейчас одолжила, и куплю билет домой! И попадись мне этот гад со своей жабой...»

Шурина одноклассница Ирина и в самом деле обо всём договорилась, Любу встретили, расспросили о чём нужно и всё оформили. Строгая женщина, не назвавшая своего имени, написала на бумажке телефон и протянула Любе, велев позвонить в конце недели, тогда справка должна быть готова. А пока дали уведомление.

- Извините... не подскажите мне ещё..., - спросила Люба, и строгая сотрудница глянула на неё и кивнула устало, - Понимаете, в моём городе, наверное, телефоны поменяли, я не могу маме позвонить и сообщить, что я в порядке и скоро приеду, но справочная мне отказывает... Может быть как-то можно узнать? Извините, но мне больше не у кого спросить...

Женщина помолчала, потом оглядела кабинет, но все её коллеги были заняты своими делами, тогда она протянула Любе листок и ручку:

- Напишите адрес, я сделаю, что могу, но ничего не обещаю. А по справке, у вас свидетельство о рождении где? Наверное, как раз там, у мамы? Ну, тогда и паспорт вам лучше там восстанавливать. По месту... Со справкой вы спокойно доберётесь, любая проверка документов будет пройдена, а дома уже спокойно сделаете документы.

Обратно Люба шла повеселевшая, надежда грела душу, теперь она останавливалась, что называется, у каждого столба. Читала приклеенные там объявления, может быть, подвернётся хоть какая-то работа. Пусть мыть полы, или что-то ещё делать, она согласна на всё. Отрывала бумажки с телефонами, намереваясь позвонить.

Оказавшись снова дома, Люба достала из шкафчика в кухне муку, пакетик дрожжей она купила по пути, и теперь завела тесто на оладьи – как раз успеет к Шууре в больницу, когда посещения разрешены. И ещё Серафиму Ильиничну поблагодарит за помощь.

Вроде бы и налаживалось всё, и когда Люба получила справку, жизнь уже не казалась ей такой беспросветной. Вместе со справкой строгая сотрудница вручила Любе бумажку с номером телефона, а значит она может позвонить маме! Номер был новый, только три последние цифры сохранились от прежнего номера вот ведь как бывает!

Домой Люба бежала со всех ног, и там, не снимая куртки, плюхнулась в кресло и дрожащими руками набрала номер. Но... увы. Длинные гудки ей были ответом. Люба уняла гулко бьющееся сердце и думала, может мама ушла в магазин, или она сейчас на смене. Позвонит попозже. Письмо Люба уже отправила, взяв конверт в Шурином серванте, но пока оно дойдёт... Люба слышала, когда стояла возле почты, что письмо лучше не опускать в ящик, как раньше, лучше отдать в отделение, но и это не гарантия, что дойдёт. Две женщины обсуждали, что сейчас на почте всё теряется так часто, и концов не найдёшь. Ну, Люба старалась думать, что её письмо всё же долетит.

- Шур, я объявление увидела, позвонила, - рассказывала Люба Шууре, когда снова пришла её навестить, а ходила она каждый день, - Вот, смотри, там нужны люди фасовать кондитерские изделия. Думаю сходить, что скажут.

- Любаш, ты только после больницы, отдохнула бы хоть немного, - вздыхала Шура, - Я тебя не гоню, мне самой спокойнее, что квартира под присмотром. Вот немного отдохнёшь, соберу тебя в дорогу. У меня на книжке есть деньги, не переживай! Вот выйду отсюда и сниму, купим тебе билет!

- Шурочка, спасибо... ты сегодня грустная, заметила Люба, - Что-то случилось?

- Да что тут может случиться? – вздохнула Шура, - Устала я от больницы этой. Сегодня просилась у Светланы Константиновны, сколько уж можно тут торчать, а она – надо лечение продолжать, потому что операцию делать нельзя, пока что-то там в норму не придёт. А я так домой хочу!

- Шурочка, так может хоть на выходные отпустят? Ларису же отпускали тогда, помнишь?

- Да я просилась, пока нельзя говорит.

Люба вышла из больницы с беспокойством на душе, жалко было Шуру... да и брать у неё деньги на дорогу... Люба уже была на вокзале, узнала стоимость проезда до её родного города. Немало получается, очень даже немало! Даже самый дешёвый билет стоил дорого – три пересадки, по теперешнему расписанию!

Люба всё же поехала туда, где набирали на фасовку. Какой-то склад почти на самом краю городка был огорожен забором из колючей проволоки, вдоль забора бегала собака на цепи, а у двери стояла очередь, чуть больше десятка людей.

Люба подумала, может тут что-то продают по выгодной цене, то, что фасовать надо, но оказалось – это очередь желающих устроиться на работу. Люба погрузилась – кандидатов много, а она ещё и со справкой! Очередь ждала минут двадцать, потом дверь отворилась и вышел мужчина с измятой тетрадкой в руках.

- Сегодня нужно троих, выходить на работу завтра к шести, - сказал мужчина, очередь зашумела, а он стал шарить глазами по толпе.

- Вы, вы, и вот ты, - Люба глазам не поверила, что он и на неё указывает, и поспешила подойти.

Так она попала на оптовку, там фасовали макароны, крупы, «кондитерку» и прочее. На склад приезжали владельцы маленьких магазинчиков и закупались для продаж. Работа была несложная, но... ни отдохнуть, ни поесть нормально – на обед выделялось полчаса, но зато платили живыми деньгами. Немного, оплата была скромная, выдавали её в конце дня, и ещё можно было за копейки взять поломанное печенье, или другой «некондиции». Люба брала, делала из крошеного печенья пирожное «Картошка», добавляя какао и сладкую сметану, носила в больницу Шуру и Серафиме Ильиничне, а сама считала, сколько же ей придётся работать, чтобы накопить на дорогу. Получалось – чуть больше месяца, не так много!

Жизнь непростая, думала Люба, но добрых людей всё равно больше, чем злых, и скоро всё наладится. Вот только... мамин телефон по-прежнему не отвечал, и Люба с беспокойством думала, что же с мамой...

Глава 12.

Люба работала на складе первую неделю, когда ей предложили ещё и мыть пол в конторе, которая была отгорожена в углу склада. Прибавка была небольшая, но Люба согласилась, не ей капризничать.

Шуре наконец-то сделали операцию, она прошла хорошо, и Шура с воодушевлением ждала выписки домой и строила планы на будущее.

- Я думаю, ничего нового никто тебе не скажет в посёлке, только бестолку съездишь, - вздыхала Шура, когда Люба поделилась с ней своими планами поехать в посёлок и поговорить с участковым.

- Я думала, может быть ещё этого Владимира Константиновича расспросить... Куда его сотрудник уехал, и не с его ли дочкой, - сердито говорила Люба, - Уж про дочку он должен знать!

- Спросить то можно, да будет ли ответ. Ты когда собираешься ехать?

- Я на четверг выходной взяла, потому что в пятницу справку получать. С ней уже в милицию схожу, что там скажут.

- Да ничего не скажут, у них так заведено, я это проходила. Когда муженёк мой хотел эту квартиру у меня отнять, документы уничтожил на неё, думал, никто не докажет, что это моя квартира, а он тут на птичьих правах. Я хотела, чтобы его наказали за порчу документов. Ну вот, мне сказали – семейная ссора, разбирайтесь сами. Документы я быстро восстановила только благодаря знакомству, и муженёк с молодой феечкой своей с носом остались. Как он меня тогда поносил, чего только не выслушала... Удивительно, ведь с ним мы двадцать пять лет прожили, и вот...

Но потом случились и хорошие новости, хотя... назвать их совсем хорошими было и нельзя. С первых заработанных денег Люба заплатила за домашний Шурин телефон и воспользовалась платными услугами. И наконец дозвонилась до маминой соседки, тётки Люды.

- Ой, Любаша, это ты? – кричала соседка в трубку, она была глуховата, - А я маму твою не могу позвать... она уехала. Нет, не знаю точно, куда! Так муж твой был, вот недавно, квартиру проверял, и мне ключи отдал, чтоб цветы поливала. Сказал, в санатории твоя мама отдыхает, лечится. Да, сказал приехал с сыном, а ты работаешь, отпуска не дали. Да, так сказал. Что, до него не можешь дозвониться? Так это у нас теперь постоянно, говорят, что меняют какие-то линии или провода, я не знаю.

Люба положила трубку и приложила ладони к горячим щекам. Теперь уже было ясно – нужно срочно ехать домой! Сергей там, и Алёшка тоже, но вот что с мамой? Какой санаторий? Хотя, раньше им от работы давали путёвки, может быть и сейчас... думать про плохое не хотелось.

- Нет, такого адреса у нас на справке нет, – говорила Любе оператор, когда она пыталась узнать новый номер телефона родителей Сергея, - Ну вот так, нет. Значит сняли номер, скорее всего, сейчас многие снимают, платить дорого. Или переехали куда-то, девушка, ну откуда мне знать причину!

Люба продиктовала Людмиле Никитичне Шурин телефон, на случай если мама появится, положила трубку и постучала карандашом по столу, перед нею лежала тетрадка, она записывала туда всё, что смогла разузнать. Но теперь, после того, что сообщила тётка Люда, эти розыски ни к чему – нужны деньги на дорогу и самый скорый отъезд! А уже там...

Люба закрыла глаза и представила себе лицо Сергея, и что она ему в это лицо выскажет. На следующий день она снова пошла на смену, сказав, что поездка отменяется, и она теперь может выходить каждый день, без выходных, и полы мыть тоже – ей очень нужны деньги!

Работала она теперь постоянно, только обед себе попросила увеличить, чтобы успевать сбегать в больницу к Шуру и отнести что-то домашнее из съестного, потому что кормить стали ещё хуже, видимо и больничные запасы с прошлых сытых времён совсем истощились.

- Любаш, ну зачем ты каждый день бегаешь, - журила её Шура, - Ничего со мной не сделается, похудею, доктора говорят – полезно! Завтра не приходи, ты сегодня много принесла, мне и на завтра хватит! Не приходи, обещаешь? Вечером выпрошу у Серафимы Ильиничны, поболтаем по телефону, когда ты с работы придёшь! Да и Люб... ты уж совсем на износ, зачем столько берёшь работы? Ведь я ж тебе сказала – помогу с билетом, и на дорогу дам. Доктор сказала, что на будущей неделе контрольное обследование, и если всё в норме – выпишет! Ох, я уже не дождусь, так домой хочу! Девчонки с работы прибежали, сказали, что аванс обещали дать в конце месяца, так что, Любаня, не пропадём! Ты лучше побереги себя, не шастай на работу, бери смены как все – через день хотя бы.

Люба кивала, обещала так и сделать, но всё равно приезжала к Шуру каждый день, в свой обед, и смены брала ежедневные. Видимо организм от злости собрался, и Люба даже усталости не чувствовала, так ей хотелось поскорее оказаться в поезде и слушать, как отстукивают колёса дорогу до дома.

В тот день у Любы был выходной, она взяла воскресенье, чтобы прогенералить квартиру к Шуриному возвращению, и ещё она снова собиралась пойти на вокзал, в кассы, узнать про цены на билеты. Говорили, что снова повысили стоимость проезда.

Проснулась Люба рано, накануне она купила полкило картошки и собиралась пожарить драники, отнести Шуру. Поэтому теперь намывала полы, слушая, что говорят по телевизору, какие новости в стране. И мысленно молилась, чтобы ничего такого не случилось, от чего снова скакнут цены! В пятницу она получила справку, заменяющую паспорт, теперь нужно только собрать деньги и ехать.

Телефонный звонок заставил её вздрогнуть, почему-то сильно стукнуло сердце. Время такое, Шура так рано не звонила, а кто ещё может... Вдруг мама приехала, обрадовалась Люба, мысли в её голове мелькали так быстро, пока она бежала к телефону, перепрыгнув через ведро с водой.

- Любаш, это я, - раздался в трубке знакомый голос Серафимы Ильиничны, но сейчас он звучал... странно, - Любаш... ты вот что... Шурочка наша умерла...

Люба словно застыла изнутри, язык отказывался говорить, горло сдавило, руки отнялись и не слушались, ноги подкосились, и она села на стоявший рядом стул, чуть не упав.

- Это... как же? Ведь операция прошла хорошо, - Люба с трудом говорила, казалось, что квартира вокруг неё начала вращаться, пол качался под ногами, - Осложнения?

- Нет, операция успешная, и Шурочка уже почти здорова была..., - Серафима Ильинична плакала в трубку, - Шла по лестнице, на первый этаж ходила кровь сдавать, и упала... Говорят-тромб оторвался, но пока ещё выясняют, конечно... А что уж выяснять, нет человека... Добрая душа была, Шурочка наша, упокой, Господи...

Положив трубку телефона, Люба ещё долго не могла сдвинуться с места. Какие-то странные мысли металась в голове... И что картошку на драники она уже начистила, и всё же их нужно испечь, отнести в больницу... А зачем? Шура любит драники, она говорила...

Люба никак не могла поверить, что Шуры, доброй и отзывчивой Шуры больше нет. Ведь только вчера они больше часа болтали по телефону, обсуждали все новости и строили планы... а теперь, что делать?

Люба съездила в больницу, и они с Серафимой Ильиничной, у которой уже закончилась смена, сидели в уголке приёмной и плакали. О причинах смерти Шуры Любе ничего не сказали, кто она такая, не родня ведь.

- Иди домой, Любаша, ничего уже не сделаешь. Шурочке не помочь, она уже там, где всегда хорошо и спокойно, - сказала Серафима Ильинична, - Такая у человека доля, никто не знает, сколько отмеряно.

Серафима Ильинична заспешила, ей нужно дочку сменить, та на работу, а бабушке с внуками сидеть, жизнь-то продолжается. Люба тоже вышла на больничное крыльцо и невольно посмотрела в окно палаты, где они с Шурой познакомились... Когда Люба уходила, Шура всегда смотрела ей вслед из окна, вот и сейчас Люба стояла и ждала... вдруг это всё глупая ошибка, или вообще ей всё приснилось, показалось... и вот сейчас помашет ей Шура рукой через оконное стекло...

Никто не появился, и вообще Любе казалось, что мир замер вокруг... или сама она оглохла, не слыша ни шума машин, ни разговоров прохожих, бегущих мимо. Очнулась Люба уже дома, споткнувшись о ведро с водой, которое она оставила посреди комнаты, не домыв пол.

Всё прибрав, Люба сидела в кухне и никак не могла собраться с мыслями, голова кружилась и отказывалась думать. Слезы ручьями текли по щекам, Люба вытирала их ладошками и смотрела за окно... Март только начался, и весна ещё только робко вздохнула на снега, но уже ощущалась в удлинившемся дне, и в радостном чириканье синиц. Шура ждала весну, она говорила, что весной всё оживает, и сама она тоже.

В двери заворочался ключ, и Люба подпрыгнула на стуле. Выскочив в прихожую, она увидела в дверях девушку, примерно одних с нею лет, может чуть помладше. Она открыла замок ключом и теперь с удивлением смотрела на Любу, а та так же глядела на неё.

- Вы кто такая? – резко спросила девушка и чуть отступила, в глазах у неё был страх, – Вы как тут оказались?!

- Я... знакомая Шуры, она меня в гости пригласила... немного погостить. А вы, наверное, Юля, Шурина дочь? – догадалась Люба, - Здравствуйте! Меня Любой зовут!

- Какая знакомая? Я впервые вас вижу! – Юля с подозрением смотрела на Любу, - Освободите квартиру!

- Подождите, зачем вы так сразу. Я здесь уже несколько недель живу, как видите, ничего не пропало. Я ждала, когда Шуру выпишут...

- Мама умерла сегодня, - Юля вошла в квартиру и устало села на обувницу в прихожей, - Если вы знакомая, то...

- Да, я знаю. Мне утром сообщили, - тихо ответила Люба, - Я очень вам соболезную, ваша мама была... она была очень хорошая, добрая... Вам с ней повезло...

Юля молча разматывала шарф, глядя пустым взглядом в стену, вздохнула и снова с подозрением уставилась на Любу.

- Так зачем вы здесь? Мама что, вас прописала? Она могла, вечно всем помогала! Потому и... ай, ладно, что теперь говорить. Когда вы намерены уехать?

- Можно мне хотя бы переночевать здесь? – тихо попросила Люба, - Пожалуйста. Я уже сейчас не смогу найти, куда пойти.

- Ладно, ночуйте. Но утром уходите. Я... не знаю кто вы, а мама не может подтвердить, что вы её подруга!

- Хорошо, спасибо, - кивнула Люба и ушла собирать сумку.

Вещей у неё было мало, откуда им взяться, ну вот теперь хоть собирать немного. Люба лихорадочно думала, куда ей завтра идти и что дальше делать.

Глава 13.

- Паспорт есть у вас? – спросила Любу заспанная Юля, когда рано утром вышла в кухню,
- Покажите.

- Паспорт утерян, - Люба наливала кипяток в заварник, - Справка есть, приеду домой, буду восстанавливать. Собственно, поэтому мне и понадобилась помощь вашей мамы. Чаю позволите попить?

- Пейте. Справку покажите, может вас и не Люба зовут. Прописаны вы где?

- Не здесь прописана, не волнуйтесь, - Любе расхотелось чая, - Юля, скажите... вам нужна помощь... вам предстоят горькие заботы, и если хотите... Нет, я не прошу остаться, но думаю, вы вчера уже проверили, ничего из квартиры не пропало. И я не заслужила вашего недоверия, мы с вашей мамой в больнице познакомились...

- Мне всё равно, где вы познакомились! И тем более безразлично, что там у вас в жизни произошло, какая трагедия! – отрезала Юлия, - У мамы была такая привычка... чужим она помогала больше, чем своим. Потому и отец ушёл, устал постоянно помогать каким-то побитым рушкам! Разумеется, я всё в квартире проверила, и, на ваше счастье, вроде бы всё на месте... сберкнижка, документы...

- Мне чужого не надо. Позвонить можно?

- Звоните конечно. Так вы же чай пить хотели, садитесь, - Юля как-то смягчилась, видимо вспомнив про сберкнижку.

- Спасибо, - ответила Люба и ушла в комнату к телефону.

Набрала номер сестринского поста, ответил ей незнакомый голос, Люба спросила Серафиму Ильиничну. Больше и обратиться было не к кому...

- Она сегодня в ночь заступает! – недовольно ответила дежурная медсестра и положила трубку.

Люба вздохнула, что ж, придётся сидеть возле больницы, ждать. Люба знала, что Серафима Ильинична живёт недалеко от больницы, и даже район знала, но точного адреса не спрашивала. Никто же не знал, что вот так всё сложится...

Юля пристально наблюдала за тем, как Люба одевается в прихожей, наверное, следила, как бы та ничего не прихватила с собой. Любе было неловко, но винить девушку было не в чем – никто не обязан Любе помогать. Это Шура была душевным человеком, очень хорошим... наверное, таких теперь очень немного осталось.

Утром подморозило, и Люба шагала по тротуару в сторону больницы. Пока немногочисленные прохожие спешили на работу, хмуро зевая и поёживаясь, а Любе было даже жарко, от эмоций, наверное. Сейчас Любу немного отпустило горе и душевное волнение, Шуру было очень жаль, но... надо как-то дальше выбираться из этой ситуации. Ничего не поделаешь!

- Я к Светлане Константиновне, по личному вопросу, - сказала Люба, зайдя в больницу со стороны поликлиники, где доктора вели приём.

- Сейчас посмотрю, - сказала женщина из регистратуры, кутаясь в шаль, потом стала смотреть журналы, ворча негромко, - Батареи снова едва живые, убавили что ли! Ног уже к обеду не чувю, и это в валенках! Скоро буржуйки ставить начнём, и хворост в лесу собирать! Бардак!

Люба была с ней согласна, они с Шурой часто говорили, что в палате холодно, в старые окна сифонит, хотя они заклеены бумагой и проложены ватой, а батареи чуть тёплые. В коридоре вообще сквозняки гуляют, на сестринском посту девчонки сидят в фуфайках и шالях.

- Девушка! – окликнула Любу регистратор, - Светлана Константиновна сегодня с восьми принимает, но к ней запись полная. Потом у неё стационар, так что...

- Ничего, я подожду в коридоре, может быть, кто-то не придёт и меня примут. Спасибо вам!

- Двести десятый кабинет, - подсказала женщина и подула на озябшие руки, - Замёрзнете только, в коридоре-то сидеть.

Люба устроилась в углу, недалеко от двести десятого кабинета, люди уже собирались и обсуждали, кто на сколько записан. Лениво переругивались, выясняя, кто за кем должен зайти, на Любу никто и внимания не обратил.

Светлана Константиновна пришла на полчаса раньше начала приёма, успокоила очередь, что примет всех, и только тут заметила Любу.

- Любава? Ты как здесь? Что-то беспокоит?

- Здравствуйте, Светлана Константиновна. Нет, со здоровьем всё в порядке, спасибо вам. Я... по личному вопросу.

- Идём в кабинет, - кивнула доктор и громко сказала очереди, - Товарищи, приём начнётся в указанное время, а пока прошу не шуметь и не мешать докторам работать.

Недовольные в очереди что-то негромко пробурчали про «блатных пациентов», но громко возмущаться никто не стал.

- Светлана Константиновна, у меня личная просьба. Может быть есть какая-то возможность некоторое время поработать в ночную смену в больнице санитаркой?

- Любаша, расскажи всё с самого начала, а после решим, и я позвоню в кадры, рук всегда не хватает.

- Понимаете... я же у Шуры жила это время..., - и Люба рассказала всё кратко, как есть, про мужа и сына, про то, как она вернулась домой, а там другие люди живут, и про то, как позвонила маминой соседке.

- Я узнавала, совсем немного мне на билет не хватает, я скоро заработаю. Только... жить мне негде, вот я и хочу, днём буду работать на базе, а ночью здесь, прибираться в коридорах недолго, я смогу несколько часов спать. Прошу вас, помогите! Мне... больше некуда идти.

Светлана Константиновна нахмурила брови и оторопело смотрела на сидевшую перед ней худенькую девушку, синие тени легли под глазами, но она не сдавалась.

- Вот что, милая моя... я тебя не для того лечила, - голос доктора дрогнул, - Я и так не могу поверить, что Шура... ведь всё хорошо было, операцию такую сложную перенесла, и вот... Сколько лет работаю, а никак не привыкну, что врачи – не волшебники, увы...

Люба закрыла глаза, под веками закипели горячие слёзы, она понимала боль доктора, не только человеческую, но и профессиональную.

- Так, вот что. Держи адрес, я сейчас позвоню домой, тебя встретят, - Светлана Константиновна стала писать что-то на листочке, - У меня сейчас муж и дочка дома, тебя устроят, пока побудешь у меня. И не спорь! Всё! Никаких ночных смен, и базы тоже. Ты там устроена как-то по документам?

- Нет, мы просто приходили каждый день, нам смены в тетрадку писали, а деньги в конце дня выдавали. Светлана Константиновна, мне неудобно вас стеснять...

- Оставь! У меня две дочки. Одна сейчас в Москве учится, и я как подумаю, что она могла бы тоже в трудной ситуации оказаться... Прошу тебя, у меня нет времени спорить и убеждать тебя, скоро начнётся приём. Я приду домой вечером, и мы обо всём поговорим. А пока – располагайся и отдыхай.

- Спасибо вам, - Любе хоть и было неудобно, вроде как напросилась, но доктор права, отнимать у неё ещё больше времени Люба не могла, - Огромное спасибо!

Светлана Константиновна протянула ей бумажку с адресом, а сама взялась за телефонную трубку, поглядывая на часы на тонком запястье.

Любу и в самом деле встретили, у подъезда стояла девушка лет пятнадцати, она пританцовывала на месте и что-то напевала.

- Вы Люба? Я вас сразу узнала, мама вас точно описала, - улыбнулась девушка, - Идёмте, я вас заждалась! Меня Аней зовут.

Поднялись на третий этаж, и Люба попала в просторную прихожую трёхкомнатной квартиры. Аня оказалась очень общительной и за это время успела рассказать, что учится она во вторую смену, но ей не нравится, потому что домой возвращается поздно и не успевает погулять с подругами. А ещё она ходит на балльные танцы, и сегодня тренировка с десяти, так что они смогут вместе позавтракать.

- Раздевайся, Любаш! Вот сюда куртку вешай. А сапожки лучше сушиться поставить. Проходи!

Из кухни выглянул мужчина в домашних брюках и футболке, на носу у него были изящные очки, и Люба почему-то подумала, наверное, он тоже доктор, как и Светлана Константиновна.

- Любава, здравствуйте! Не стесняйтесь, входите. Анна вас сейчас устроит, можете умыться и будем завтракать. Мне сегодня к одиннадцати, но уже звонили, придётся идти пораньше. Аня, устрой гостью.

- Папа хирург, ему скоро тоже на работу, у него приём и всё такое, - сказала Аня и увлекла Любу по коридору в небольшую комнату, - Вот, устраивайся. Это комната Кати, моей старшей сестры, она сейчас учится в Москве, а моя рядом, так что вечером будем болтать, как мы с Катюшкой, мы ночью в гости друг к другу ходили.

Аня рассмеялась, и Любе стало как-то теплее, этот холод и страх, которые поселились в душе после смерти Шуры, немного отступили, осталось только горечь от потери друга.

- Девочки, идите завтракать, а я побежал! – Анин отец на ходу одевался, - Аня, дай Любе запасной ключ, вдруг ей нужно будет куда-то выйти. Всё, целую, я побежал!

Приготовленный завтрак ждал девушек на столе, и был обильным, Аня тут же принялась потчевать гостью, ссылаясь на мамин наказ.

- Мама сказала, что тебе нужно восстанавливаться, поэтому кушай. Мне много нельзя, – вздохнула Аня и положила себе на тарелку омлет, - Иначе наберу, и с танцев меня выгонят. Хотя... наверное я сама скоро уйду оттуда, хочу что-то другое попробовать. Может быть каратэ, или что-то подобное. Чтобы себя защитить! Сейчас такое время, по улице страшно ходить. Мою подружку, одноклассницу, недавно ограбили, в своём дворе серьги вырвали, мочки ушей порвали... какие сейчас танцы!

Аня накормила Любу так, что та едва могла дышать, потом девушка собралась и убежала на свои танцы, а Люба легла на кровать в Катиной комнате и мгновенно заснула. Без снов, без мыслей, накрывшись теплым пледом она просто закрыла глаза и провалилась в сон.

Глава 14.

- Люба, ты ведь меня знаешь, столько времени у меня в отделении провела, - мягко, но в то же время так, что возражать не хотелось, говорила Светлана Константиновна, - Поэтому не пытайся меня убедить. Никакой базы, никакой работы по двенадцать часов в неотопливаемом помещении! Так ты снова окажешься на больничной койке. Так вот, скажи мне – ты хочешь поехать домой? Отлично, тогда делай, как я скажу и не возражай.

Люба молча кивала, хоть ей и было неловко, но она понимала – Светлана Константиновна права, но ведь... дорога до дома обойдётся в копейку, а у Любы даже на половину дороги не хватает!

- Саша вернётся со смены вечером, завтра у нас выходной, - продолжала Светлана Константиновна, наливая в кружки чай, - Мы поедem и купим тебе билет на ближайшее время, отправим тебя домой!

- Но у меня... Светлана Константиновна, можно, я пришлю вам деньги за дорогу, как только смогу! Мне неудобно брать такую сумму просто так.

- Ничего, нам всем иногда бывает нужна помощь, в этом нет ничего страшного. Людям нужно помогать! А деньги... это всего лишь деньги, Любаша. Будет возможность – помоги кому-то ещё, а мы справимся, за нас можешь не беспокоиться. Всё будет хорошо, Любава, мы крепкие, и не с таким справимся, верно?

Люба и сама как-то «заразилась» уверенностью от Светланы Константиновны, может быть потому, что впервые за последнее время почувствовала под ногами твёрдую опору. Ей помогут, поддержат и дадут мудрый совет.

Спросив разрешения у хозяйки, Люба стала снова звонить Людмиле Никитичне, маминной соседке. Сначала телефон выдавал короткие гудки, видимо бабуле было скучно, и она коротала время за телефонными разговорами, но потом Люба дозвонилась!

- Любаша, это ты? А, здравствуй! – соседка обрадовалась, услышав Любин голос, - Каку тебя дела? Видела недавно твоего супруга с сыном, они на машине заезжали квартиру проверить! Нет, не успела ничего спросить, я их из окна увидела. И вроде бы свекровь твоя тоже с ними была, если я правильно рассмотрела! Очки на мне были не очень подходящие, но думаю, это была она. Малыш? Да отлично малыш, весёлый был, куда-то поехали на машине. А машина новая, вся блестит, видимо иномарка! Любаша, вы молодцы, вон как, заработали! А мама твоя... да нет, я не слышала ничего, когда вернётся не знаю. Если увижу мужа твоего, обязательно спрошу. А ты что, домой-то когда? Работаешь? Ну да, сейчас время такое, не всегда отпускают-то. Спасибо, Любаша! Да, звони, когда сможешь.

Люба положила трубку, руки у неё тряслись... Значит, Сергей привёз Алёшку к своим родителям! И, возможно, поменял им домашний номер телефона, а может адрес тоже поменялся! Ведь Сергей когда-то мечтал перевезти родителей из деревенского дома в городскую квартиру, вот, может быть, получилось... Может быть его новая женщина помогла, но вот только совсем непонятно, зачем этой Елене, при всех её богатствах, чужой ребёнок...

- Любаш ну что? – в комнату заглянула Светлана Константиновна, - Дозвонилась?

Люба рассказала всё, как есть, а сама никак не могла унять дрожь в руках и накопившую слабость.

- Ты молодец, что сдержалась и ничего не рассказала о том, что выезжаешь домой! Иначе... хоть мы и не понимаем, зачем он увёз малыша, но у Сергея явно есть на это какая-то причина! Он хотел спрятать его от тебя, поэтому увёз, и сделает это повторно, если узнает, что ты скоро приедешь! Сергей преследует какие-то свои цели, и чтобы их понять, нельзя действовать сгоряча. Нельзя дать ему шанс, чтобы он опередил тебя и принял меры, поэтому – когда

приедешь, будь осторожна. У тебя там есть подруги, знакомые, к которым Сергей не заявится под надуманным предлогом, а на самом деле с проверкой?

- Есть, Оксана. Я думала дать ей телеграмму, что приеду, но... вы правы, лучше не нужно, мало ли, - Люба старалась успокоиться, - Нужно приехать неожиданно, узнать, где теперь живёт мой сын и забрать его! А уж после разбираться со всем остальным!

- Умница! Верно решила, потому и огласка с поисками тебе не нужна. Ты заберёшь малыша, и... Любаш, я тебе сейчас напишу несколько адресов в Москве, если вдруг тебе нужно будет уехать, звони, я предупрежу. Первый адрес, на Сретенке, это мои родители, там сейчас живёт и Катя, моя старшая дочка. Не сомневайся, тебя примут на столько, сколько будет нужно, я предупрежу. А вот этот адрес – это моя лучшая подруга. Она недавно овдовела и живёт одна, сын служит на Черноморском Флоте. От вашего городка до Москвы несколько часов езды, и если нужно будет – не теряйся, действуй!

Через несколько дней Любу всем семейством собирали в дорогу. Билеты были куплены, правда дорога была не из лёгких, Любе предстояло пережить три пересадки, но это был самый быстрый маршрут. Да её пересадки и не пугали, багажа у неё было немного, только сумка с личными вещами, которых почти не было.

- Так, возьмишь мой термос с собой, - хлопотала Светлана Константиновна, - Я с ним недавно в командировку ездила, в поездах сейчас топят через раз, в вагоне холодно, и титан у нас топился через раз. Потому ты старайся набирать впрок – запомни, Любава, тебе сейчас нельзя переохладиться, ты ещё не окрепла, нужно беречь себя. Не стесняйся, проси второе одеяло у проводника, говори, что ты после болезни, пусть дают!

- Что вы, Светлана Константиновна! Как я ваш термос заберу? Обрато вернуть ведь не получится!

- Ничего страшного, у меня есть ещё один, мы с Сашей часто по командировкам катаемся то учёба, то ещё что. Да и вообще, термос, это пустяки! Так, ещё тебе нужно взять с собой лекарства, на всякий случай.

В общем, собрана была Люба «по всем правилам» и ранним зимним утром воскресенья вся семья Светланы Константиновны стояла на перроне, напутствуя её в дорогу.

- Когда доберёшься, обязательно позвони, - говорила Светлана, и почему-то сейчас очень волновалась, сама не понимая, какая тому причина, но история Любы, совсем ещё девочки, потрясла её, хотя на своей работе она уже всякое повидала.

И как мужья отказываются ухаживать за жёнами, крича на всю больницу, что это обязанность персонала. И как дети оставляют своих престарелых родителей, не показывая носа в больницу и ожидая... кончины. А старики ждут, часами сидят у окна и тихонько угасают... Но здесь молодая красивая женщина, за что с ней так? Светлана не понимала, о чём и говорила не раз своему мужу тайком от Любы:

- Я не понимаю, зачем он так, зачем забрал ребёнка, и бросил её здесь практически на улице! Ну бывает – полюбил другую, разведись и живи себе счастливо с новой пассией, но так... Зачем? Вот попадись бы он мне – прибила бы своими руками!

- Светик, ну что ты разнервничалась, - Александр отрывался от чтения и поправлял очки на тонком носу, - Любава ведь рассказывала – муж работал на какого-то бизнесмена, местного «царька», и новая пассия Любиного мужа как раз его дочка. Может быть дело в том... что на этого Сергея что-то записали, какое-то имущество... возможно, даже полученное преступным путём, и при разводе это бы всплыло. Да мало ли тут версий, может быть что угодно, сейчас эти... «новые русские», чего только не вытворяют. В любом случае, девочке ещё только предстоит... самое трудное.

Вот теперь гудел тепловоз, опаздывающие пассажиры бежали по перрону, вглядываясь в номера вагонов, пора было занимать свои места. Светлана Константиновна и Анюта крепко обняли Любу, напоминая обещание позвонить по приезде, и Александр занёс в вагон Любину

сумку, проверив, кто ей попался попутчиками. Первая пересадка у неё была в Красноярске, и оттуда она поедет в купе, по настоянию Светланы Константиновны, хотя Люба просила не тратиться и купить билет подешевле.

Поезд тронулся, Люба помахала рукой провожающим, вытирая со щёк слёзы, если бы не они все... сколько всего ей предстояло бы пережить здесь, в этом краю, так и не ставшем ей родным.

Люба устроилась у окна и смотрела, как плывут мимо зимние пейзажи, колёса мерно постукивают и вагон покачивается им в такт. Проводница проверила билеты, и почти все пассажиры улеглись вздремнуть, ранняя посадка в поезд всех утомила. Почти никто не брал постельное, стараясь хоть на этом сэкономить, ехать не очень долго, и потому подкладывали под головы свои сумки, накрываясь куртками и полушубками. Затихли разговоры, И Люба сама задремала, привалившись к окну, а потом последовала общему примеру – положила под голову сумку, убрав за пазуху документы и деньги, закуталась в куртку и заснула.

Ей снился дом, мама пекла маковники, они у неё всегда получались такими румяными и ароматными, она смеялась и что-то рассказывала Любе, которая сидела у окошка в их квартире. И будто не было ничего этого – не было Любиного отъезда, и этой холодной зимы в чужом краю, и всего, что теперь жгло Любу изнутри, не давая покоя. Беспокойство за сына пересиливало обиду на мужа, Люба старалась вообще не думать про Сергея и его... Жабу! Волновалась за маму, почему-то в поездку в санаторий она совсем не верила! Хотя... с другой стороны, если Нина Алексеевна тоже приезжала с сыном, и проверяет квартиру... может быть так и есть? В то, что свекровь при её характере стала бы потакать каким-то тёмным делишкам сына, Любе не верилось. Но... кто знает теперь, что вообще может быть в этом мире? Неужели родители Сергея приняли эту Елену, как когда-то Любу? От этой неприятной мысли Люба проснулась, и увидела, что поезд уже останавливается у вокзала с надписью «Красноярск».

Пересадка в Красноярске была довольно долгой, Любин поезд отправлялся поздно ночью, но она выспалась и сейчас сидела в зале ожидания, так сказать, не теряя бдительности. Александр рассказывал про всяких прощелыг, которые теперь промышляют на вокзалах, обшаривая карманы зевак, или «уводя» багаж задремавших пассажиров.

- Теперь всякого развелось, потому ты, Люба, постарайся не заснуть, лучше после в купе поспишь, - напутствовал он Любу, - И лучше ни с кем не говори на вокзале, заболтают, и не заметишь.

Люба сидела, прижав к себе сумку и думала, поскорее бы уже подали состав, а то вон, мужчина в кепке сидит без чемоданов и так подозрительно на всех поглядывает... и та женщина с цепкими чёрными глазами, для чего пристаёт к проходящим мимо людям с пустяковыми вопросами?

Вздыхнула Люба, когда наконец объявили посадку на её поезд, она встала и торопливо пошла на перрон, к нужному пути. И скоро уже устраивалась в купе, на нижней полке. Проводница суетилась в коридоре и обещала недовольным пассажирам, что совсем скоро в вагоне будет тепло, натопит, и «созреет кипяток». Теперь Любе предстояла долгая дорога – ехать почти три дня, а там уже и дома будет рукой подать.

Глава 15.

Хоть проводница и уверяла, что титан топится на полную катушку, в вагоне всё равно было холодно. Пассажиров было не очень много, не все купе были заполнены полностью, так и в Любином купе ехала пожилая пара, а четвёртое место было пустым. Пассажиры ходили ругаться и к проводникам, и даже звали начальника поезда, но теплее от этого не стало. Зато всем раздали по второму одеялу, и Люба подумала – ну, хоть что-то. Она сама тоже замёрзла, и потому по коридору старалась не ходить лишней раз. К тому же в тамбур постоянно ходили курильщики, дверь открывалась туда-сюда, и от этого становилось ещё тяжелее.

Любины попутчики были немногословными, разговоров не заводили и держались настороженно, с некоторым подозрением поглядывая на Любу. Может быть их смутила справка, которая заменяла паспорт, её Люба показала, когда проводница проверяла документы, показывая перед начальником поезда, какой у неё порядок в вагоне... хоть и холодно.

От окон дуло холодом, может потому титан и не справлялся. Люба сидела в уголке, закутавшись в два одеяла и поджав под себя ноги, сверху ещё курткой накрылась, ничего, согрелась немного. Перед этим сходила за кипятком и напилась чаю, снова залила термос, как советовал Александр. Люба улыбнулась, вспомнив доктора Светлану и Анечку... Всё же доктор дома была совсем другая, не такая строгая, и даже мягкая, ласковая. А какие у них в семье отношения! Всё с душой, весело. За ужином они обсуждали, как прошёл день, или новости, что по телевизору показывали...

Люба с горечью подумала, что у них с Сергеем так никогда не было. Сейчас ей вообще всё виделось в ином свете. И хоть она ни дня не жалела о том, что Алёшка родился вопреки желанию его отца, но... ей не нужно было ехать с ним, не нужно было вообще соглашаться выйти за него замуж!

Да, остаться одной с малышом, тоже ничего хорошего. Но всё же, теперь Люба думала – она бы подождала, пока малыш подрастёт, потом вернулась бы на учёбу и закончила её. Может быть, получалось бы подрабатывать, хотя бы даже за маму в больнице мыть полы! Сейчас Люба вспоминала то, что ей тогда говорил Сергей... а ведь в прошлом это казалось ей чистой правдой, только вот теперь Люба думала – может быть это родители убедили Сергея, и всё решилось вот так...

- Нет, Любаша, это не дело, когда семья врозь, - говорила ей тогда свекровь, - Я и Сергею сказала, никуда без жены не поедешь, если уж завёл семью, будь добр! Потому и тебе говорю, поезжайте вместе, срок у тебя ещё маленький, сама ты молодая, всё у вас сладится. А то как же, родится сын, а отец его и на руки не возьмет! Нет, это ни к чему хорошему не приведёт!

Вот тогда Люба считала – как же верно Нина Алексеевна говорит, что же это за жизнь, когда семья врозь. Да и Сергей особо не противился тому, чтобы они вместе поехали, сам за билетами съездил, купил... Только когда Любу стало немного мутить по утрам, тогда Сергей чуть засомневался, стоит ли ей ехать.

Но даже тогда, в те хорошие времена, когда они жили в большой комнате просторного дома родителей Сергея, у них не было так, как в семье у Светланы и Александра. Наверное, не с того они с Сергеем начали семью, думала Люба, но теперь поздно об этом сокрушаться. Семьи у них больше нет, и не будет никогда. Есть только Люба и Алёша, Любина мама... и может быть родители Сергея, если они захотят этого, но Сергею места нет.

- Может быть попросить её, чтобы уступила тебе нижнюю полку, - шёпот отвлек Любу от своих мыслей, это тихо переговаривались её попутчики.

Пожилая женщина укладывалась на нижней полке напротив Любы, а её муж собирался забраться на верхнюю, вот теперь та и отговаривала его, при этом как-то неласково поглядывая на Любу.

- Нет, Тома, и прошу тебя, оставь меня в покое, - раздражённо говорил пожилой мужчина,
- В этом нет ничего сложного, да и я ещё не развалина! Зато спокойно высплюсь! И к тому же нам выходить рано утром, какой смысл перекладываться с места на место!

Люба слышала всё это и не знала, как ей поступить. С одной стороны она вполне не прочь уступить пожилому человеку нижнюю полку, но с другой стороны, если мужчина воспримет это как намёк на возраст и оскорбится... Она решила молчать, если будет нужно, пусть ей скажут об этом, и она уступит, а если не нужно, то будет спать на своём месте.

Попутчики не попросили, улеглись на свои места, закутавшись потеплее, и вскоре заснули. Ровное дыхание женщины и лёгкое похрапывание её супруга с верхней полки, тут и Любу потянуло в сон. Захотелось попить чаю перед сном, да и она немного проголодалась, попутчики почти весь день занимали стол, обедая или перекусывая, да и Люба днём как-то не хотела есть, так её взволновала дорога и свои мысли.

В термосе как раз оставалось на один стакан, и Люба перекусила бутербродами, приготовленными заботливой Анечкой. Пошла набрать кипятка в термос, на завтра, и снова вспомнила Александра – вода была чуть тёплой, титан быстро остывал. Проводница спала у себя в купе, тоже укрывшись двумя одеялами, и Люба не стала её будить, что толку.

- Девушка! Что, замёрзла? Заходи к нам, согреешься, посидим, поговорим, дорога быстрее покажется! – заговорил с Любой какой-то мужчина, когда она проходила мимо купе, дверь которого была открыта.

Там не спали, компания сидела за столом, на нём было много всякой еды и две бутылки, трое мужчин и одна женщина, все они приветливо улыбались Любе, женщина замахала руками, приглашая к столу «согреться».

Вежливо отказавшись и поблагодарив, Люба торопливо ушла в своё купе, закрыла дверь и щёлкнула замком. Почему-то было немного страшно, может потому, что она с детства боялась нетрезвых людей, вспоминая соседа, буянившего каждый раз после получки... А может что-то в этой компании показалось ей каким-то... может не опасным, но... Люба не находила подходящего слова и крутила ручку замка, поняв, что замок не работает - дверь хоть и закрыта, но не запирается!

- Девушка! Хватит тут шебуршать! – сердито зашипела на Любу женщина с нижней полки, - Нам рано вставать, а вы тут устроили! Да оставьте вы этот замок, никто у вас ничего не украдёт!

Люба сердито глянула на женщину, но ругаться не стала. Положила свою сумку под жиденькую подушку, закуталась потеплее и закрыла глаза. Та компания, куда Любу приглашали, теперь шумела чуть громче, наверное, выпив уже изрядно, но никто из пассажиров почему-то не решался сделать им замечание. Заснула Люба под утро, усталость взяла своё, а проснулась от того, что сильно замёрзла.

Поезд стоял на какой-то большой станции, Люба не видела названия, а выбираться из-под одеяла не хотелось. Дверь в купе была открыта нараспашку, её попутчики вместе со своими вещами исчезли, видимо, вышли раньше, или на этой станции. И в «благодарность» Любе оставили дверь открытой, потому из коридора дуло холодом.

- Скоро поедem, будет теплее, - проводница снова бегала по вагону, успокаивая людей, - Титан с самого утра топится, но на улице такой мороз...

Да, Люба заметила, что окна все затянуты инеем, но, наверное, не мороз выстуживал старенький вагон, а сильный ветер, который врывается во все щели. Кое-как собравшись с духом, Люба выбралась из-под одеяла и пошла за кипятком, пока он есть. Обратила внимание, что пассажиров в вагоне осталось совсем немного, видимо в такую погоду мало кто отважился пускаться в такой далёкий путь. То самое купе, где ночью веселилась компания, было закрыто, и Люба обрадовалась – видимо они тоже вышли, значит ночью можно спокойно выспаться.

- Извините, - Люба подошла к проводнице, которая что-то писала в своём купе, - У меня дверь в купе не запирается, замок не работает.

- Да? Хорошо, я сделаю заявку, как только прибудем. Починят. А вы можете не беспокоиться и ехать спокойно, никто вас не побеспокоит. Народу почти нет, и может не будет, поедем пустые.

- Тогда может быть мне можно перебраться в другое купе, - предложила Люба, - Пустых много, и я хотела бы такое, где дверь всё же запирается.

- Да Боже мой, ну кому вы нужны здесь, - сердито заворчала проводница, - А если по пути будут пассажиры на эти места, мне вас снова гонять? Хотите посреди ночи прыгать по вагону – тогда перебирайтесь в соседнее купе!

Люба не стала спорить, одобрение получено, дальнейшие разговоры ник чему. Она пошла собирать вещи и уже через четверть часа сидела в другом купе, с работающим замком на двери, и подальше от весёлой компании, которая, как оказалось, никуда не делась. Зато Люба с удивлением заметила, что к ним подсел сам начальник поезда, видимо не отказавшись «согреться». Правда пробыл там недолго, пошёл дальше по своим делам, но Люба поняла – если что, жаловаться на шум бесполезно, как это пыталась сделать прошлой ночью одна из пассажирок.

Ну, зато теперь Люба ехала в купе одна, столик был в её распоряжении, дверь запиралась на замок, и она устроилась, можно сказать, с удобствами. Пообедав и напившись горячего чая, Люба снова забралась под одеяло, её потянуло в сон после беспокойной ночи. Засыпая, она думала, хоть бы никто не сел на это место, и ей не пришлось возвращаться в прежнее купе, потому что в коридоре снова слышались весёлые голоса беспокойной компании.

Проспала Люба почти до вечера, и всё равно словно не выспалась, выбираться на холод не хотелось, но нужно было в уборную, и ещё заварить чай в термосе, чтобы вечером уже не шастать по коридору.

- А, вот вы где, - обрадовалась та самая женщина, что звала Любу посидеть, - А мы думали, вы уже вышли, приехали до места. Ну, не надумали с нами посидеть?

Люба снова отказалась и заторопилась по своим делам, собираясь запереть дверь и не выходить до утра. Но когда она вернулась из уборной, то обнаружила, что дверь в её купе открыта... Сумка с деньгами и документами была с ней, оставлять её в купе Люба не решалась, потому она проверила одежду, обувь... больше и брать было нечего! Всё оказалось на месте, и Люба пожала плечами, кому понадобилось заходить в купе? Может быть, кто-то тоже хотел перебраться сюда, или это заглядывала проводница...

Вечером снова раздавался в вагоне весёлый смех и звон бутылок. Но Любу он беспокоил мало, она заперла дверь в купе, и сидела с книжкой, налив себе чаю из предусмотрительно заваренного термоса.

Книга была небольшая, это ей Аня дала, какой-то современный роман, но Люба вдруг почувствовала, как буквы начинают расплываться перед глазами, строчки прыгают и переплетаются... неужели она задремала... голова склонилась на руки, и последнее, что Люба увидела, это как открылась дверь купе, в нём показалось бледное лицо проводницы... она сказала кому-то:

- Давайте скорее! И чтоб я вас не видела, с перрона быстро уходите! Да не ищи, у неё нет паспорта, только справка. Я сама видела! То, что вам нужно! Деньги мои сюда давай! Всё, убирайтесь!

Глава 16.

Очнулась Люба от тряски, и сперва подумала, что это был плохой сон, на самом деле она едет сейчас в поезде, закутавшись в два одеяла и ещё накинув сверху куртку. Но трясло не так, как в поезде, и Люба с трудом разлепила глаза. Она лежала на полу какой-то машины, похожей на микроавтобус, только все сиденья были убраны, и кабина водителя была отгорожена железной перегородкой, там слышалась музыка и мужские голоса, они громко смеялись и что-то говорили на непонятном языке. Люба попробовала пошевелиться, но руки у неё оказались связаны, ноги тоже. На скамейке вдоль борта кузова стояла Любина сумка, что-то из неё выпало и теперь валялось на полу, под скамейкой катался тот самый термос, подаренный Александром.

Сама Люба лежала на каком-то грязном матрасе, от него пахло машинным маслом, грязью и затхлостью. В кузове было прохладно, но не так, чтобы замёрзнуть, да и Люба была укрыта рваным одеялом, из прорех тут и там торчала вата.

Люба закрыла глаза, пытаясь собрать мысли и успокоить гулко бьющееся сердце. Голова нестерпимо болела, во рту всё пересохло, руки и ноги затекли, она попыталась повернуться поудобнее, но со связанными за спиной руками разве найдёшь удобное положение.

Что это? Кто и куда её везёт, и зачем? У неё ничего нет, никаких ценностей, тогда для чего она этим людям... и кто они такие? Вопросы испуганными птахами метались в голове, машину на кочках потряхивало, и Люба стонала от боли в руках и ногах.

Закусив губу до боли, Люба попыталась привести себя в чувство, не время трястись, нужно... нужно как-то выбираться отсюда! И она стала внимательно оглядывать, что есть в машине. В сумке у неё осталась только одежда и бельё, даже пилку для ногтей, что Аня дала, забрали. Под скамейкой стояло пустое ведро, оно гремело на кочках, об него постоянно ударялся катающийся по полу Любин термос. Какие-то ящики стояли в самом начале, у водительской кабины, они были заколочены и до них было не дотянуться. Тогда Люба всё же попыталась, она стала подползать к ящикам, мало ли, вдруг там какие-нибудь инструменты и что-то острое есть.

Одеяло, которым она была накрыта, сползло, и её стало трясти ещё и от холода, но и половины пути до ящиков она не преодолела. Машину качнуло из стороны в сторону, Люба поняла, что она сворачивает с дороги и рывком откинулась обратно на матрас, не очень получилось, но... может подумают, что её так от тряски перекаатило.

Задняя дверь открылась, и Люба зажмурилась, в глаза ударил яркий дневной свет, мужской силуэт маячил у двери.

- Эй, ты погляди! – крикнул хриплый голос, мужчина ухватил Любу за ногу и дёрнул на себя, - Куда уползла! А ну, на место!

- Кто вы? Что вам нужно? – испуганно заговорила Люба, - У меня нет денег, ничего ценного тоже нет! Отпустите...

- Буря, ты слышал? У неё ничего нет, давай её отпустим! - насмешливо протянул мужчина, тут же рядом с ним появился второй.

- Да нам ничего и не надо, - они хрипло смеялись, переглядывались и перемигивались, а Люба пыталась подняться и сесть.

- Развяжите руки, я их уже не чувствую, - попросила Люба, - И мне... мне надо в туалет!

- Ха, тоже мне, самая умная нашлась! Да вон, можешь прямо на матрас, он и не такое видал! – зло сказал тот, кого только что назвали Бурей.

- Да ладно тебе, нам её в нормальном виде надо довести, а то она руками потом ничего делать не сможет, - сказал тот первый, и снова ухватив Любу за ногу, подтянул к двери.

- Я тебя сейчас развяжу, но ты будешь делать то, что мы скажем! – с силой тряхнув девушку, прорычал мужчина, - Иначе пожалеешь, что на свет родилась!

Люба молча кивнула, тогда мужчина развязал ей сначала ноги, потом руки. Руки вспыхнули болью, ноги затекли так, что стоять она не могла, и чуть не упала обратно в кузов. Голова кружилась, во рту чувствовалась какая-то горечь, как после лекарства.

Мужчины заговорили на чужом языке, а Люба подождала, пока голова перестанет кружиться и осторожно огляделась вокруг. Они стояли в каком-то поле, снега здесь было не так много, тут и там из снега торчала сухая трава, и весь этот пейзаж простирался далеко-далеко. Там, в синеватой дымке темнел какой-то лесок, хотя может это только отсюда он казался небольшим.

Обернувшись в другую сторону, Люба даже вздрогнула – там была заправка! Маленькое, облезлое здание, когда-то покрашенное в голубой цвет, было похоже скорее на сарай, чем на автозаправочную станцию. Единственное окошко было закрыто крепкой решёткой, только маленькая форточка внизу была открыта. Перед этим домиком торчали две колонки, снег был плохо почищен, и там, дальше, стоял покосившийся деревянный туалет.

- Иди сам с ней, раз развязал, - проворчал Буря на своего товарища, - Ещё я с бабами не ходил!

- А что, лучше потом вонь всю дорогу нюхать? – сердито бросил другой и подтолкнул Любу, - А ты давай не глазей, иди, пока я добрый!

Каждый шаг отдавался болью в ногах, их покалывало, саму Любу качало из стороны в сторону. К тому же к горлу стала подступать тошнота, и она до туалета не дошла – согнулась пополам, её стошнило прямо на ботинки провожатого!

- Вот чёрт! Старая тварь снова с лекарством переборщила! – заругался тот, - Девка тощая и вся синяя, а она набухала! Ты, давай, это... иди давай, потом я тебе дам умыться и поесть.

Люба кивнула и пошла к туалету, молча удивляясь, что ей стало лучше. Голова кружилась меньше, не мутил больше, только во рту было противно!

Она на ходу подхватила горсть снега, здесь он был чистым, и обтерла лицо, стало ещё лучше, онахватила снега в рот, не есть, а так, ополоснуть.

Туалет оказался старым, но чистым. Люба времени терять не стала, и пока никто не видит обшарила свои карманы. Ничего не оставили, они были пусты. Даже заколку, и ту отобрали! Ни денег, ни справки, ничего...

Она выглянула через щёлку наружу, её провожатый стоял поодаль и громко ругаясь чистил испачканные Любой ботинки. Решение пришло быстро и неожиданно, Люба его даже додумать не успела!

Она выскочила из туалета и бросилась за него, надеясь, что так её заметят не сразу, побежала прямо через поле. Если есть заправка, значит недалеко есть какое-то жильё, не пропадёт, главное – от этих убежать!

Позади послышался хриплый мат, это Буря кричал своему напарнику о том, что «гадина свалила из-под носа». Услышав это, Люба прибавила ход, и ей казалось, что бежит она быстро, снег был неглубоким, под ним мёрзлая земля, Люба не увязала.

Только не знала Люба, что она не ела уже больше суток, да и лекарство, которое ей подмешали в чай, сил не прибавляло... Совсем скоро крепкая рука ухватила её за полу куртки. Падая в снег, Люба увидела перед собой искажённое злобой красное лицо Бури.

Схватив Любу за волосы, Буря поволок её по снегу обратно, Люба брыкалась и старалась вывернуться, от этого буре идти было неудобно, тогда он повернулся, вздёрнул Любу вверх и ударил в лицо сильно и крепко.

У Любы в голове сверкнула молния, но сознания она не потеряла, просто рухнула тут же на колени. А Буря снова вздёрнул её в верх, и не обращая внимания на кровь из Любиной разбитой губы рывкнул ей в лицо:

- Ещё раз такое выкинешь – убью! Я бегать по полям не люблю!

Вторая оплеуха была послабей, но от неё у Любы зазвенело в ушах. Буря схватил её за ворот куртки и потащил к машине.

Несмотря на полученные удары, Люба всё видела ясно, даже лучше, чем тогда, когда её только вытащили из машины. Окошко в домике заправочной станции быстро закрылось крепкой ставней, железная дверь с глазком, судя по всему, тоже была заперта. Никто ей не поможет, всем страшно за себя...

- Ну, и куда ты бежала, дура? – спросил тот, пока безымянный, - Тут до ближайшего села километров сто будет, а может и больше. Замёрзла бы вон, в канаве! Сиди спокойно, и я обещаю тебе...

- Чего ты с ней рассусоливаешь! – заорал Буря и отвесил Любе пощёчину, - Поняла, тварь?! Поняла, что я с тобой сделаю за подобную выходку!

Он выхватил из кармана нож и со щелчком выкинул лезвие, приставил его к Любиной щеке, прижав её руки.

- Ещё раз, давай, беги! Вот, я тебя отпустил, - он отошёл на шаг назад, - Беги! Но если поймаю, располосую так, что по кускам не соберут! Я на такие штуки любитель, мне приятно! Ну, беги!

Люба стояла молча, опустив голову и не глядя на Бурю. Бежать бессмысленно, по крайней мере сейчас. Но она всё равно не оставит попыток, только подождёт подходящего случая.

- Хватит тебе, - проворчал безымянный, - Вон, испортил её только, губы разбил! Она и так... не очень, тощая и бледная, может больная!

- Она жилистая, - усмехнулся Буря, убирая нож, - Видал, как бежала. Она первая за всё время, у кого духу хватило, остальные ревели.

Буря отошёл и стал что-то искать в кабине, а второй, который провожал Любу до туалета, схватил её за лицо и стал осматривать разбитую губу, сердито ворча.

Буря вернулся с сумкой и кинул её в растворенную заднюю дверь машины, сам пошёл к облезлому домику заправки. Безымянный достал из сумки кусок батона и бутылку воды, протянул это всё Любе, она с подозрением посмотрела на воду и взяла только хлеб. Безымянный всё понял, усмехнулся, открыл бутылку, отхлебнул сам и потом отдал бутылку Любе. Та села на порог машины и стала жадно пить, откусывая хлеб, глотая его кусками и почти не жуя.

- Хм, - усмехнулся безымянный, - Видать Буря верно говорит, ты жилистая! И с характером! Хотя... это сейчас скорее плохо для тебя!

- Куда вы меня везёте? – спросила Люба, - Если... если... то пусть этот Буря меня тут и зарежет! Я не стану делать ничего... такого!

- Да помечтай! – расхохотался безымянный, - То, про что ты думаешь, так теперь полно на каждом шагу таких, которые или за деньги, или за... кое-какие вещества согласны! С этим проблем нет, а вот работать руками некому! Отвезём тебя одному... у него ферма большая, и если станешь хорошо работать - потом отпустит тебя! Только имей ввиду, бежать оттуда бесполезно. Далеко, добежать никуда не успеешь, догонит и пристрелит. Потом скормит свиньям, да и всё. Так что... работай хорошо, не чуди, и тогда...

Люба убрала оставшийся кусок хлеба в карман, воду она выпила всю, пока этот говорил с нею, а когда он замолчал, Люба увидела, что на заправку заворачивает какая-то машина, пробираясь от шоссе по кочкам.

Она тут же вскочила на ноги и кинулась было бежать навстречу машине, но из-за открытой двери ей навстречу выскочил Буря, Люба всем телом ударилась об него, а он схватил её за куртку и кинул в кузов, легко, как куклу. Люба ударилась о скамейку и дух у неё перехватил, дверь захлопнулась, и в следующее мгновение машина сорвалась с места. Любу кидало из стороны в сторону, она пыталась удержаться, цепляясь за скамейку.

Минут через пятнадцать машина остановилась, дверь снова распахнулась, Люба закричала, когда Буря запрыгнул в кузов и схватил её за горло. Запихнув ей в рот какую-то таблетку, Буря взял протянутую его товарищем бутылку и стал лить воду, Люба судорожно глотала, давясь и захлёбываясь.

Её мучители о чём-то говорили, судя по интонации – переругивались, дверь снова захлопнулась, и машина поехала, на этот раз ровно, спокойно.

Люба вытерла мокрое лицо и зло посмотрела в сторону кабины, потом достала из-под лавки ведро и сунула в рот два пальца, стараясь всё сделать тихо. Всё вышло, и вода, и хлеб, и какая-то жёлтая таблетка.

Люба спрятала ведро под лавку, заткнула его рваным одеялом, потом достала из кармана припрятанный хлеб и стала есть. Силы ей понадобятся.

Глава 17.

Позже, когда машина останавливалась и двери открывались, Буря и его товарищ заглядывали в кузов, и видели там спящую Любу, которая реагировала на тряску за ногу едва слышным мычаньем, и иногда даже пускала слюну на подложенную под щеку ладошку.

Но как только дверь закрывалась, Люба осторожно вставала и смотрела в щёлку, почти ничего разглядеть не удавалось, за обочиной дороги расстилались только покрытая снегом равнина. Люба обыскала весь кузов, но ничего стоящего не нашла, только один гвоздик, не очень большой. Но и этой находке обрадовалась, пригодится!

Сняла ботинок и спрятала гвоздик под стельку, может не отыщут. В ящиках оказалась какая-то ветошь, как сначала показалось Любе, но разглядев получше она поняла – это вещи... людей. Разные, мужские, женские... кофты, футболки, прочее.

Люба легла на скамейку, задумавшись. Что её ждёт? Слёзы подступили к горлу, но Люба нахмурилась – нельзя распускаться! Что бы ни ждало её впереди... она сбежит! И во что бы то ни стало она доберётся до дома, увидит своего сына и маму, и больше никогда с ними не расстанется!

Машина снова остановилась, и Люба улеглась на матрас, закрыв глаза и натянув на голову куртку. Дверь открылась, голос Бури послышался где-то в стороне:

- Яшка, ну, чего там? Спит?

- Да спит конечно! Ты же в неё впихнул целую таблетку, а надо было половину! Она вон, тощая! – ответил его товарищ, которого, как оказалось, звали Яковом, или, может быть, это тоже была кличка.

- Идём тогда. Жрать охота! – проревел Буря, - Поспит больше с таблетки! Тощая да шепутная, много с ней возни! Такие долго не живут, прибьют её за такие выходки!

Дверь закрылась, Яков ушёл, скрип снега под его ногами стих. И Люба тут же вскочила, вытащила свой гвоздик и попробовала поковырять замок. Он был весь расцарапанный, видимо ковыряли его не раз и не два, вот и Любаве не улыбнулась удача, только ногти содрала.

Устав, она вытерла кровь с пальцев и снова запрятала свой гвоздик, как оказалось – вовремя, потому что возле машины послышались грузные шаги. Судя по ним, это вернулся Буря, он сел в кабину и что-то недовольно бормотал про холод и ветра в этой чёртовой степи.

Яков открыл дверь и стал трясти Любу, она бормотала что-то трясла головой и очень старалась не показать, что таблетку она выплюнула.

- На, пей. Да пей ты, на себя льёшь! – Яков пытался влить Любе в рот воду из бутылки, - И так куртка промокла в тот раз, простынешь и помрёшь, а нам надо ещё денег за тебя выручить! Пей.

Люба очень хотела пить. И есть тоже хотелось нестерпимо, от Якова пахло пловом, и хлебом, но... показать этого было нельзя.

- Ладно, хоть немного попила, - Яков закрутил бутылку с водой и бросил её на матрас, - Скоро очухаешься уже, сама попьёшь.

Он говорил громко и грубо, а сам осторожно выглянул за открытую заднюю дверь, и убедившись, что его напарник сидит в кабине, достал из-за пазухи какой-то свёрток и вложил его Любе в руки. Та сидела на матрасе, чуть покачиваясь, и свёрток упал на пол, тогда Яков быстро запихал его в капюшон Любиной куртки.

Дверь захлопнулась, и вскоре машина тронулась в путь. Люба подождала немного, но она слышала слова Якова, что действие той таблетки уже должно было ослабеть, значит не заподозрят ничего. Люба схватила бутылку и стала пить. В том свёртке, спрятанном Яковом в Любин капюшон, оказалась свежая, ещё теплая лепёшка, большое красное яблоко и приличный кусок сыра.

У Любы даже голова закружилась от такого «изобилия», но она сдержала себя. Отламывала от лепёшки небольшие куски и ела с сыром, запивала водой.

В этот раз машина долго не останавливалась, через затянутые какой-то плёнкой окна Люба видела, уже давно стемнело. Она успела немного поспать, на сытый желудок просто невыносимо клонило в сон, проснулась от того, что машину качнуло – они куда-то свернули.

Яков открыл дверь и быстро прошептал:

- Спрячь еду за пазуху, я сделаю вид, что не заметил. Выходи, и веди себя тихо, если хочешь жить. Мы уже... далеко, и если здесь тебя убьют, никто никогда не отыщет в этой дыре!

- Спасибо тебе за еду. Скажи, куда вы меня везёте? – прошептала Люба, но тут из кабины выскочил злой и усталый Буря, она тут же повесила голову и замолчала.

Яков зло дёрнул её за руку и покрякивал, чтобы шла быстрее, Люба еле двигала ногами, чтобы не напроситься на ещё одну таблетку. Но сама примечала всё, чуть покачивая головой из стороны в сторону.

Машина стояла во дворе частного дома, высокий забор окружал его, тут стояли ещё две машины, одна большая, блестящая иномарка, а вторая – старенький «Жигулёнок» непонятного в темноте цвета. Дом был кирпичный, двухэтажный, окна первого этажа были залиты светом, там мелькали тени людей, слышался смех и громкие разговоры.

- Иди давай, шевелись! – прикрикнул Яков и подтолкнул Любу к сараю позади дома, к нему была протоптана узкая тропка.

- Кого вы там притащили опять? – на крыльце показалась обширного телосложения женщина с ведром в руке, - Какая-то замухрышка! Завтра приедет Абай, ему такое не понравится! Она долго не протянет, с такими ножонками!

- Помолчи! – рявкнул Буря, - Сами знаем, чего делать, тебя забыли спросить! Яшка, хватит возиться, иди в машине прибери, может она там в кузове...

При этих словах Любу прошиб страх, вот сейчас Яков проверит кузов, найдёт ведро, а там... таблетка. И тогда этот Буря впихнёт в неё новую порцию, уже не отвертишься.

Яков втолкнул Любу в сарай и запер дверь, она сразу же стала шарить, ища хоть какую-то щёлку, чтобы поглядеть. Но дверь была добротная, ничего не видно, тогда Люба принялась обшаривать сарай. Возле двери стояла какая-то шершавая лавка, а весь сарай... это была сплошная пелена мрака, ничего не видно. Любе стало страшно... что скрывается в этой темноте? Может быть... здесь даже кто-то есть!

Она села на лавку и прижалась спиной к стене, вслушиваясь и вглядываясь в темноту. В сарае было тихо, и Люба с трудом прогнала свой страх, нужно доесть то, что дал ей Яков, иначе завтра это могут найти, и тогда...

Люба как раз прикончила яблоко, показавшееся ей самым вкусным на свете, когда дверь сарая распахнулась и весь проём закрыла та женщина, которая раньше стояла на крыльце. В одной руке у неё был фонарь, а в другой палка.

- Эй, ты, чахотка ходячая! – женщина подняла фонарь и оглядела сарай, увидела Любу и засмеялась.

Её необъятный живот заколыхался под цветастой юбкой, в свете фонаря Люба разглядела лицо женщины. Оно было круглое, с высокими скулами и тройным подбородком, кустистые брови почти сошлись на переносице.

- Вы кто? – холодно спросила Люба, не поднимаясь со скамьи, - Что вам от меня нужно?

- Заткнись, чахотка! – приказала женщина и погрозила палкой, - Мне рассказали, что много в тебе гонору, да я не таких видала. Через неделю станешь рыдать, позабудешь свою гордость!

- Как скажете, - пожала плечами Люба, понимая, что ругаться с толстухой нет смысла, она здесь просто... в услужении у кого-то другого. – Палку можете убрать, я ничего вам не сделаю, не бойтесь!

- Чего? – толстуха расхохоталась сильнее, тряся подбородками, - «Не бойтесь»! Ты серьезно?! Ну ты и дурочка! Ладно, идём со мной, ненормальная! Абай поглядит, он любит... всякое такое, с прибабахом! Может и не прийдёт тебя сразу-то!

- Куда вы меня поведёте? – спросила Люба, - И зачем? Я спать хочу, вы же сказали, что Абай этот всё равно только завтра приедет, так хоть поспать дайте.

- Ишь, ты погляди, - женщина опустила палку и больше не смеялась, - В баню тебя поведу, воняешь ты. Сколько говорила этим двоим, чтоб помыли в кузове, так нет, так и ездят в этой помойке!

- Скажите, где я нахожусь? – спросила Люба и поднялась с лавки, конечно, скорее всего женщина не ответит, но попытка не пытка.

- А теперь тебе какая разница? – пожалала плечами женщина. – Ты теперь никто, тебя нет, сама себе ты не хозяйка. И поменьше болтай – подольше проживёшь!

- А какой смысл так жить? Если я никто, и меня нет. Так что может пусть лучше это всё закончится здесь и сейчас!

Женщина даже остановилась, глядя на эту худую замухрышку, она явно не ожидала таких слов.

- Не болтай чушь! Работай на совесть, исполняй всё, что говорят, и тогда Абай тебя отпустит через некоторое время. Он не злой, но не любит, когда ему наперекор говорят. Не перебивай его никогда, иначе будешь бита, не спорь, и не ленись. За вздорный характер могут и убить.

Они вошли в старенькую баньку, она стояла в самом углу огромного двора позади дома, хозяева явно в ней не мылись, она была... для другого предназначена.

- Иди, я натопила сегодня пожарче, - сказала женщина, - Я тут в предбаннике посижу, а ты смотри – без глупостей. Потом дам тебе чистую одежду и накормлю. Если будешь себя хорошо вести. И давай по-быстрому, у меня дел полно.

Люба разделась, сложив одежду на старый стул и понимая, что женщина её обшарит. Хоть бы не догадалась стельку поднять в ботинке, там гвоздик... Мылась она быстро, вода была жёсткой, мыло тут же смывалось с кожи, но всё равно это было блаженство.

- Я всё, - Люба высунулась в предбанник и получила старое полотенце, застиранное и рваное.

- А как вас зовут? – спросила Люба, вытираясь.

- Хозяйкой зови, - буркнула женщина, - Тебе этого достаточно.

- Как скажете, могу хоть королевой Елизаветой звать. Если вам так хочется.

- За зубоскальство у нас бьют, и если зубы не лишние, попридержи язык, - сказала женщина, но глаза её смеялись, Люба видела.

«Королева Елизавета» выплыла из предбанника наружу и прокричала что-то на непонятном Любе языке. Добавила пару русских ругательств и кивнула Любе:

- Вон, накинй на себя. После бани простынешь, возись потом с тобой.

Люба взяла с крючка у двери какое-то пальто, больше похожее на стёганный халат, и пошла за женщиной. Та привела её в какую-то мазанку, похожую на летнюю кухню, там стояла кровать, покрытая выцветшим до серого цвета одеялом, кривой стол и несколько стульев. В углу была печка, какая-то странная круглая, из глины что ли, Люба таких не видела.

- Садись ешь, - женщина кивнула Любе на стол, там стояла тарелка супа, хлеб и чайник с пиалами.

- А я чайку попью, - «Королева» едва втиснувшись за стол и налила себе чаю в пиалу, - Притащили мне заботу, возись теперь.

- Спасибо вам, - сказала Люба, берясь за ложку, и тут же вздрогнула... рядом с тарелкой с хлебом лежала жёлтая таблетка...

Люба подняла глаза на женщину, та прихлёбывала из пиалы и прищурившись смотрела на Любу

- Что, узнаёшь? Не заставляй меня. Ешь и ложись в кровать! Я тебя тут запру, печь тёплая, не замёрзнешь, но когда я приду тебя проверить... ты должна спать без задних ног, иначе... - тут женщина указала глазами на таблетку.

- Не надо. Я не доставлю вам хлопот, - сказала Люба и принялась есть лапшу.

Когда «Королева Елизавета» пришла проверить Любу, как и обещала, та спала. Женщина покачала головой, пробормотав, что такой задохлик долго не протянет, и глаза у Бури и Яшки были на заднице, когда они эту девчонку прихватили. Обещая «открутить причиндалы» и им, и «натывать в пятак этой дуре из поезда», женщина ушла, заперев дверь снаружи на большой засов.

Глава 18.

Утром Люба проснулась рано, на улице было темно, и в большом доме ещё не горел свет. Круглая печка в углу почти остыла, но в мазанке было довольно тепло, стены хорошо его сохраняли. А может быть Любе так казалось после холодного кузова машины, потому что пол у неё под ногами покачивался, казалось, что она едет в машине.

После бани и еды, а суп был наваристым, вкусным, сил у Любы прибавилось, голова стала ясной, видимо остатки лекарства, которое ей подлили в поезде, окончательно выветрилось. Люба осторожно выглянула в небольшое оконце, закрытое ржавой и кривой решёткой, двор был пуст, машина, которая привезла её сюда, стояла во дворе, чуть припорошенная снегом.

Люба осмотрела окно – не выбраться, старая деревянная рама заколочена гвоздями, решётка приделана снаружи. На столе Люба обнаружила несколько кусков хлеба и бутылку с водой, пить хотелось, но было страшно – вдруг опять что-то подмешали... Стала есть хлеб понемногу, и дальше осматривать каморку.

В деревянном потолке, когда-то покрашенном белой краской, теперь уже серой, была небольшая дверца – можно выбраться на чердак! Люба обрадовалась и отложила хлеб в сторону... если придвинуть стул, можно дотянуться. Вот только есть ли в крыше старой мазанки чердачное окно, и какого оно размера, сможет ли Люба через него выбраться?

С одной стороны, она понимала, что все эти разговоры – «работай, потом тебя отпустят» - враньё! Никто никуда её уже не выпустит, только «вперёд ногами»! А значит, нужно искать подходящий момент и бежать. Но, с другой стороны, если всё не продумать и прямо сейчас забраться на чердак, а оттуда нет выхода... и если её там застанут, то таблетки ей не миновать!

Люба снова выглянула в окно, в окне большого дома горел свет, но двор был пуст. Она быстро придвинула стул в угол, прислонив его к стене, чтобы не рухнуть, встала на него и толкнула дверцу на чердак. Не тут-то было, она тоже оказалась заколочена! Видимо она далеко не первая пленница, кто здесь ночует против своей воли.

Засов на двери заскрипел, дверь резко распахнулась и в ней показалась «Королева». На смотрела на Любу с хитрым видом, видимо ожидала её застать за тем, чем та только что занималась.

Но Люба сидела на стуле и куском тряпки, найденном возле печь, чистила свои ботинки, сушившиеся ночью возле печь. «Королева» хмыкнула, потом посмотрела на стол. Увидев, что воду Люба не тронула, нахмурилась.

- Чего не пила? Боишься?

- Да, - честно призналась Люба, - Не хочу я этого, чтоб снова напичкали дрянью... мне потом плохо.

Женщина взяла чашку с отбитой ручкой, плеснула в неё воды из этой бутылки и выпила.

- Пей, ничего там нет. Если не будешь брыкаться, и делать всякие глупости, никто тебя ничем пичкать не станет, эта, как ты сказала, «дрянь», тоже денег стоит!

- Послушайте, - Люба посмотрела в заспанное лицо женщины, - Прошу вас, отпустите меня. Я уйду отсюда по дороге, дойду до какого-нибудь посёлка или города, и никому ничего не скажу про вас, никогда! У меня сын маленький дома, и мама... ждут меня! Отпустите! Ведь я даже имён ваших не знаю, кто вы такие! Что я смогу рассказать? Ничего! Да и не поверит мне никто!

- Ты что, не понимаешь, что ты давно уже... далеко от дома! – прошипела женщина, оглянувшись на пустой двор, - Пешком она собралась идти! Да ты за неделю не дойдешь ни до посёлка, ни до города! Ты вообще далеко не уйдешь, тебя убьют! У тебя теперь один выход – хорошо работать! Абай таких любит и не обижает, а если ты... сможешь сделать что-то, чтобы особенно ему понравиться, то может и... В тепле будешь жить, в сытости, в доме, а не в сарае!

И если хочешь жить, слушай меня – забудь всё прошлое! И сына, и мать! Всё! Нет у тебя больше никого, и тебя самой нет, тебе даже имя новое теперь придумают!

- Что же я такого должна сделать для этого вашего Абая? – вспыхнула Люба, - Тогда уж лучше в сарае жить!

- Дура ты! – резко ответила женщина и кинула на кровать одежду, - Одевайся давай, скоро Абай сам приедет! И лучше молчи, ничего не проси, ничего не говори, целее будешь!

Люба не стала больше ничего говорить, взяла принесённую женщиной одежду, это было что-то, похожее на рабочую спецовку. Бесформенные штаны, застиранная фланелевая рубашка непонятного цвета, размера на три больше Любиного, и куртка, не новая, но тёплая.

- А мои вещи где? – спросила Люба, - Лучше их мне дайте.

- На, вот твоё, - женщина кинула Любе только её бельё, которое та постирала накануне в бане и по указанию женщины оставила там сушить.

- А на смену? У меня в сумке было, я видела свою сумку в машине, отдайте хоть одежду. Зачем она вам.

- Смену надо ещё заработать! – рывкнула женщина, - Остальное не твоя забота! Пей воду, доедай хлеб, больше ничего не получишь! Хотела тебя завтраком накормить, да больно ты разговоришься, обойдёшься! Скоро у тебя сил не останется так разговаривать, работа дурь быстро выбьет из тебя!

Люба не стала больше ничего говорить, воду выпила и доела хлеб. Потом женщина кивнула ей идти следом и повела Любу за дом, к бане.

- Прибери пока тут всё, в бане помой тазы и пол! – приказала женщина, - Туалет вон там, иди, если надо, да побыстрее, мне некогда с тобой долго торчать!

В бане Люба прибралась быстро, при этом обшаривая каждый уголок, в надежде отыскать хоть что-то полезное для будущего побега. В том, что он будет, Люба сама себя уверяла, иначе... иначе было очень страшно.

Потом «Королева» повела её в дом, перед ним стояли ещё две машины, большие и дорогие, Люба подумала, наверное, это приехал тот самый Абай, и не ошиблась.

«Королева» повела Любу в дом, большая прихожая была устелена коврами, дальше Люба ничего не успела разглядеть, её втокнули в небольшую каморку у входа и заперли дверь. В каморке стояли какие-то мешки и коробки, у стены – пара стульев, Люба собралась было обшарить тут всё, мало ли, может что-то полезное попадётся.

Но успела она только оглядеться и сесть на стул, дверь распахнулась, в ней стоял невысокий полный человек с круглым лицом и глазами-щёлочками. Одет он был обычно, а на голове у него красовалась тубетейка. За его плечом маячила «Королева» с угодливым и заискивающим видом, она ткнула в выключатель возле двери, в каморке зажегся свет.

- Поднимись на ноги, - прошипела недовольно женщина Любе, - И помалкивай!

Человек смотрел на стоявшую перед ним девушку, она тоже смотрела на него в упор, не отводила взгляда, рассматривала и его самого, и одежду.

- Ты, Хадия, права, - проговорил Абай таким смешным голосом, что Люба едва сдержала улыбку, - Что-то много они за такую просят! Это что? Чего я с ней стану делать?

Женщина, которую как оказалось звали Хадией, стала что-то говорить на другом языке, Абай отвечал ей своим тонким, немного писклявым голосом, сокрушённо махая при этом рукой.

Дверь в каморку захлопнулась, Люба вздохнула. Может быть, не возьмёт её этот «работелец»? Но... что тогда с ней будет?

Люба стала ощупывать мешки и заглядывать в коробки, но в мешках оказались какие-то тряпки, а коробки были пусты, только в одной были пачки чая, почти половина коробки. Люба подумала и взяла одну пачку, спрятав в кармане необъятной куртки не по размеру. Найдут так

найдут, ну а вдруг не станут и искать. И тут в углу коморки Люба увидела валяющуюся на полу зажигалку, тут же подобрала и тоже спрятала.

Хадия пришла за ней через полчаса, довольная и покрасневшая, молча кивнула Любе и вывела её из дома. Где-то в глубине дома слышались звуки застолья, пахло мясом и едой.

- Абай берёт тебя, - сказала Хадия, - Работница нужна, поэтому и взял. Сказал – сколько протянешь!

- Лучше бы не брал, - пожала плечами Люба, - Я не очень-то просилась.

- Не вздумай ему дерзить, дура! – рявкнула Хадия, - А если б не взял... валялась бы ты сейчас в канаве!

- Эй! Пстой, Хадия! – окликнул женщину Яков, он как раз возился возле машины, - Вот, тут ещё вещи её, пусть заберёт! Мне барахла в машине и так достаточно!

Он достал из кузова выпавшую в дороге из Любиной сумки кофту, поманив Любу рукой, стал ещё что-то доставать из кузова.

В этот момент на крыльце показался какой-то человек и позвал Хадия, стал что-то ей недовольно говорить, и та поспешила в дом, бросив Якову:

- Глади за ней!

Люба подошла к машине, в кузове лежал новый матрас. Не совсем новый, конечно, но уж получше прошлого. Ведро и рваное одеяло тоже исчезли, вообще, тут было теперь более-менее прилично. Яков сунул кофту Любе в руки, стараясь не смотреть ей в лицо.

- Чисто тут стало, - Люба кивнула на кузов, - Я бы прокатилась с вами обратно...

Яков вздрогнул, лицо его побледнело, плечи как-то поникли, он молча достал из кузова Любин шарф и тоже передал ей.

- Послушай, Яков. Прости, я не знаю, это твоё имя или нет...

- Не просись, всё равно я тебя с собой не смогу взять обратно, - проговорил Яков.

- Я и не прошу. Поблагодарить хочу, за то, что еду мне давал и воду. И за то, что не сказал... сам знаешь, про что.

- Ладно, - буркнул Яков, - Ты это... иди лучше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.